ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 151 (4117)
Четверг,
10
декабря
1959 г.

Цена 40 коп.

Александр ПРОКОФЬЕВ

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

С тобой давно мы ладом ладили,
Сдружила крепко нас Нева,
Где мы с тобой не только гладили,
Но и ерошили слова!

Мы их ерошили, ерошили,
И повели и повели,
Как хорошо, когда хорошие
Слова-дружки не подвели!

Я не забыл объятья братские,
Когда ударил грозный шквал,
Забыть ли ночи ленинградские?
Ты их железными назвал!

И это сотни раз доказано —
Нещадно било по врагу,
С железной силой было сказано
На славном невском берегу.

Блокадной спичкою, махоркою
Делились мы, товарищ мой,
Всем, чем могли, — последней коркою
И первой чаркой фронтовой.

Не скроешь это за печатями,
Не позабыть того вовек —
Был с нами друг наш замечательный
Высокой доли человек.

Не позабудет друга нашего
Его родная сторона...
А нам с тобой друг к другу хаживать
До самой...
Черт с ней, старина!

◇ ◇

Николай АСЕЕВ

ЕСТЬ ЛИ БОГИ НА ЛУНЕ?

С богатым
прочно сжился бог.
Загородившись Спасом,
снял богатого
чертог
богов иконостасом.

А с бедным
бес лишь ладить мог,
приноровившись
к массам;
им бог
не золотил порог:
питались редькой
с квасом.

В богатого
не метил бес:
боялся черт рогатый, —
богатых бог
хранил с небес,
и был силен богатый!

А бедный
глянет в небеса,
чуть свет
вскочив в исподних, —
с небес ему
одна роса
от всех щедрот
господних.

Ему бы вновь
зажмурить глаз,
поспать бы час охота,
но с неба бас —
на пятый глас:
«Вставай, бедняк,

работай!
Работу, божий раб,
люби!
Не будь в работе
промах,
паши, коси,
коли, руби
за богачей
в хоромах!»

Казалось:
это — навсегда —
предел земной юдоли:
в привычку
бедному — беда,
богатому —
приволье.

Но бедняка
оставил бес;
и вот пошла тревога:
бедняк на богачей
полез
(не побоялся бога!).

Окончилась
богатых власть,
конец былого света!
Пришлось богам
в цене упасть.
При нас случилось это.

А тем, кто хочет
старины,
обманываться —
стыдно!

Хоть облети
вокруг Луны —
богов
н-н-н-н-где не видно!!!

◇ ◇

САХАРНО-МОРОЖЕНО

Сахарно-морожено
(аж снег скрипит);
все поле заворожено
сверкает-спит.

Тридцать с лишним
градусов —
вот так мороз,
такому не обрадуется
даже эскимос!

Сидят в квартирах
школьники,
стучат часы;
седой зимы
затворники —
в стекло носы!

Не то чтоб мы
захныкали,
то было б срам,
но все-таки —
каникулы
иные снились нам.

Пришлось погодой
лютою
прикрыть катки,
как носа ни укутывай
в воротники.

Но есть такое мнение,
что сдаст мороз
и будет потепление,
решив вопрос.

У мальчиков, у девочек
сиянье глаз:
им хочется,
как белочкам,
пуститься в пляс...

Все елочки, все сосенки
снег облепил,
не видят они сослепу,
кто их ослепил.

Поутру рано встанемте
и — на катки,
сменив на лыжи
валенки
и на коньки.

Помчимся,
пританцовывая,
забелим бровь,
на щечках враз
пунцовая
зардеет кровь.

И лыжни вновь
проложены,
и — вдаль бегом,
и — сахарно-морожено
блестит кругом!

1959

У литераторов Белоруссии

Партийное собрание: о творчестве молодых

Это было несколько необычное по составу партсобрание. В переполненном зале мелькали настолько юные лица, что человек, не знакомый с повесткой дня, мог бы удивиться такому внезапному «омоложению» партийной организации Союза писателей Белоруссии. А к концу собрания он непременно пожелал бы, чтобы такие «неожиданности» случались чаще.

...На отчетно-перевыборном собрании писатели-коммунисты дали наказ новому партийному бюро больше внимания уделять молодым писателям, выносить на широкое обсуждение их первые книги. И вот — наказ начал претворяться в жизнь. Весть о том, что на открытом партийном собрании видные белорусские писатели выступят с анализом первых книг молодых авторов, взволновала творческую молодежь. Их надежда оправдалась.

Львиную долю успеха собрания следует отнести на счет поэта Василия Витки — он выступил с докладом, в котором общие творческие вопросы раскрывались на конкретных, хорошо проанализированных примерах.

Много ценных советов дал молодому прозаику Ивану Пташникову видный белорусский писатель Михась Лыньков. Положительно оценив первую книгу Ивана Пташникова, оратор разобрал ее недостатки.

На собрании выступили Филипп Пестрак, Янка Брыль, Анатолий Велюгин, Антон Белевич, Кастусь Киреенко, Алесь Осипенко, Иван Громович. Молодые литераторы Ю. Свирко, Г. Буровкин, А. Дерузинский отметили большую пользу состоявшегося разговора, горячо благодарили своих старших товарищей по перу.

Слово — литобъединениям

Несколько дней спустя разговор о творчестве молодых был продолжен на заседании президиума Союза писателей Белоруссии. Обсуждалась работа областных литературных объединений.

Где они созданы? При редакциях областных газет, на многих предприятиях, в учебных заведениях республики. Сотни начинающих литераторов активно участвуют в работе литобъединений, выступают в печати со стихами, очерками, рассказами.

И все же, как отмечалось на заседании президиума Союза писателей Белоруссии, в работе литературных объединений немало существенных недостатков. Все ли делается, чтобы поднять качество публикуемых произведений у тех, кого именуют «люди, делающие в литературе первые шаги»? Нет, не все. Объединения нередко предоставлены самим себе, существуют без квалифицированной помощи со стороны республиканского Союза писателей.

Президиум наметил конкретные меры по дальнейшему улучшению работы литобъединений. В областные центры вскоре выедут группы писателей, чтобы на месте оказать помощь творческой молодежи.

День поэзии

В Минске успешно прошел День поэзии. Во всех книжных магазинах состоялись встречи белорусских поэтов с читателями. Поэты рассказали о своих творческих планах, прочитали новые стихи...

Вл. ДАДИОМОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

МИНСК

Итоги бурятской декады

Состоялось заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, посвященное итогам литературной части бурятской декады. В работе секретариата приняли участие Л. Соболев, С. Сартаков, Н. Балдано, П. Скосырев, С. Баруздин, В. Мазаев, И. Куприянов, Д. Романенко, Г. Туденов, А. Бальбуров, Н. Доризо, А. Уланов, Ц.-Б. Бадмаев, Н. Дамдинов, Е. Баранникова.

По общему мнению, декада бурятского искусства и литературы в Москве прошла успешно. Результаты ее имеют значение не только для бурятской, но и для всей советской литературы. Причина здесь прежде всего в достижениях бурятских писателей, давших хороший материал для разговора на декаде. Выступавшие отмечали, что к проведению декад автономных республик Федерации нужно шире привлекать литераторов из союзных республик, осуществляя таким образом деловой контакт в работе союзов писателей СССР и РСФСР. Вновь обсуждалась проблема переводов. Очевидно, назрела необходимость поговорить на эту тему в союзах писателей специально и более подробно.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Лынькова М. Т. орденом Трудового Красного Знамени

В связи с шестидесятилетием со дня рождения писателя Лынькова М. Т. и отмечая его общественно-литературную деятельность, наградить тов. Лынькова Михаила Тихоновича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 9 декабря 1959 г.

И ДИСКУССИИ «ПОЭТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

О «МОДНЫХ» ИМЕНАХ И НОВАТОРСТВЕ

Сегодня в Доме писателя в Ленинграде открывается всероссийская дискуссия на тему «Поэт и современность». В дискуссии принимают участие поэты и критики Москвы, Ленинграда, Хабаровска, Новосибирска и многих других городов Российской Федерации.

Публикуя в порядке обсуждения статью Льва Ошанина, редакция предлагает поэтам, критикам и читателям принять участие в разворачивающейся дискуссии.

Лев ОШАНИН

Два предложения

Русская советская поэзия богата и многообразна, всеми своими порами связана с жизнью народа, и задача нашей дискуссии состоит в том, чтобы разобраться в тех процессах, которые в ней происходят.

Но прежде чем говорить о сути этих процессов, есть один вопрос, который хотелось бы поставить сразу. Речь идет о Книготорге. С поэтической книгой он работает из рук вон плохо. Система заказов на книгу, которая существует сейчас, искажает подлинное представление о читательском спросе.

Поэтические книги, как правило, продаются только в больших городах и почти совсем не доходят до рабочих поселков, сел и деревень. Никто и нигде не ведет работу по изучению спроса на поэтическую книгу. Я хочу от своего имени и от имени моих товарищей поэтов-москвичей внести два предложения.

Первое — касается кино, радио и телевидения. С этими техническими завоеваниями нашего времени надо не ссориться и не сетовать на них, — надо их использовать. Поэзия должна быть неотъемлемой спутницей почти всех тематических передач, радио- и тележурналов и последних известий. И не «поделочная», прикладная поэзия, а все то лучшее, что пишется нашими поэтами.

Второе и, на мой взгляд, крайне важное предложение относится к продаже поэтических книг. Дело дошло до того, что в магазине № 100 на ул. Горького — центральном огромном магазине — вообще закрыт отдел поэзии, и поэтические книжки сброшены с тех жалких двух витринок, которые принадлежали этому отделу. Куда сброшены? Видимо, под прилавок.

Мы предлагаем и требуем открытия в Москве специального центрального магазина поэзии. В этом магазине должна быть сосредоточена работа по изучению спроса на поэтическую книгу. В этом магазине должен быть большой отдел «Стихи — почтой», куда мог бы обратиться любой читатель из самого отдаленного уголка нашей Родины. В этом магазине должно быть помещение, достаточное для того, чтобы можно было там проводить постоянно встречи поэтов с читателями.

Создание такого магазина необходимо.

Несколько слов о критике

Необходимо сказать несколько слов о критике и о тех статьях, заметках, репликах, фельетонах, которые появились перед дискуссией.

Во-первых, нельзя не вспомнить большую, полутораподвальную статью Н. Асеева «Мастерство и ремесло», напечатанную 1 декабря в «Литературной газете». Мы все любим и ценим художника Николая Асеева, нам дорого то, что он в той или иной форме решил принять участие в подготовке дискуссии «Поэт и современность», нам близка его глубокая, искренняя тревога о судьбах нашей поэзии. Приятно, что Н. Асеев, человек очень определенной стилевой направленности в своем творчестве, наконец, оценил не близкое ему творчество таких художников, как А. Твардовский и М. Исаковский. Но наряду с этой хорошей и мудрой, как принято у нас говорить, консолидацией Н. Асеев как бы перечеркнул всю остальную русскую советскую поэзию.

Пусть это останется на его совести. Наша поэзия от этого беднее не станет. Боюсь, что скорее поэт будет чувствовать себя более одиноким.

Возражения требует и другое неверное положение статьи Асеева, которое занимает в ней много места. Я говорю о зачеркивании всего доброго, что создано нашим Литературным институтом. Вряд ли можно воспринять это всерьез, так как автор статьи мало и плохо знает работу института, больше понаслышке.

Да, Литинститут за более чем четверть века своего существования привык к самым разнообразным наскокам, выдержал и отразил множество попыток закрыть его или превратить во что-нибудь совсем другое. Не падет он и на этот раз. Не лучше ли было бы, если бы Николай Николаевич Асеев, испытанный старый мастер, поделился бы со студентами накопленными им секретами своего мастерства.

Но уж если слово сказано, давайте повернем его на доброе. Используем совет Н. Асеева о привлечении в институт действительно крупных мастеров и языка, и поэтического мастерства.

В «Литературной газете» уже по вопросам, связанным с конкретной критикой поэзии, появились два фельетона С. Калашникова, о которых после письма М. Исаковского и Н. Рыленкова в «Известиях» и реплики А. Елкина в «Комсомольской правде» можно бы и не говорить, не будь это явление принципиальным.

О первом фельетоне, в котором говорилось о песне, в печати ничего не было сказано, — может быть, потому, что у нас принято, что песню можно ругать как угодно. Были в фельетоне и справедливые замечания, но автор его подошел к песенной поэзии до такой степени арифметически, запретил писать о соловьях и березах, забывая, что береза навсегда останется одним из символов России, и все дело только в том, как о ней писать. А что касается соловьев, о них уже давно было написано все, что можно, а появились стихи Дудина, и соловьи зазвучали по-иному, а пришел Фатьянов, и весь наш народ запел о соловьях как будто бы впервые:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

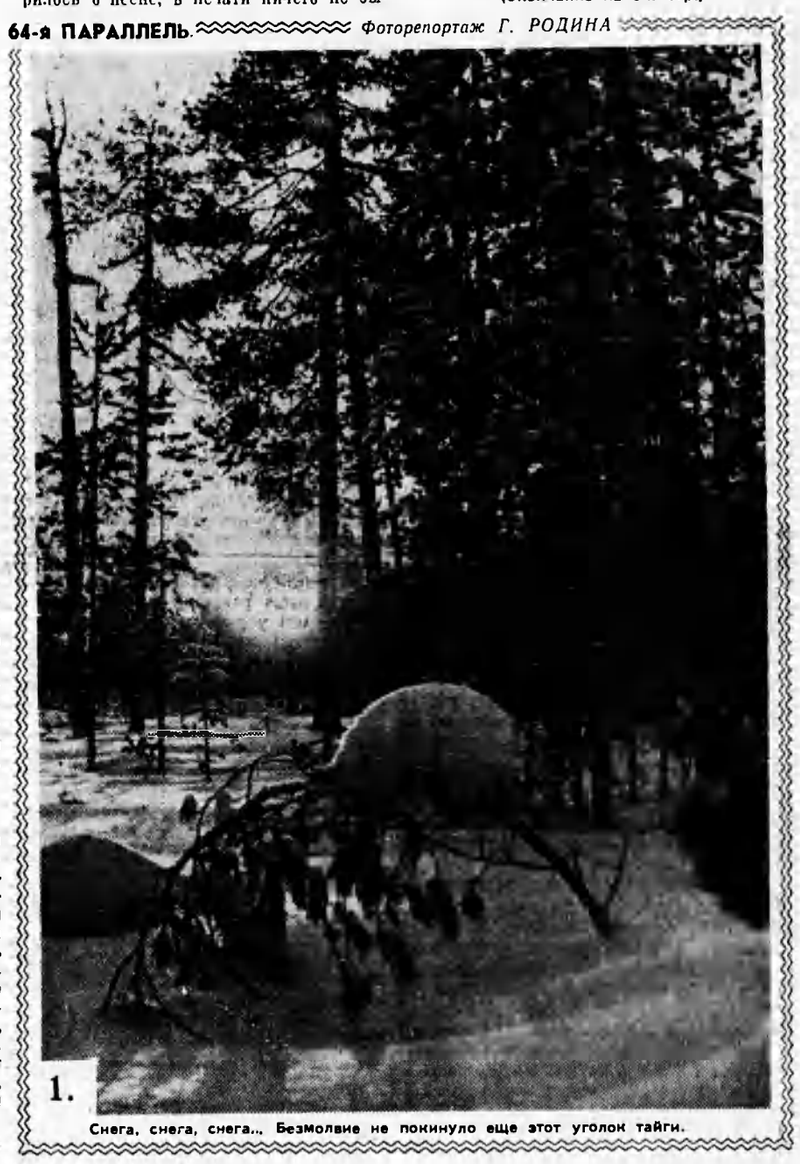
Может быть, завтра и соловьи, и березы зазвучат совсем по-иному. И зачем же сваливать все в одну кучу?

Не к чему было и Вл. Любовцеву в фельетоне «Поэт в налоолите» («Литература и жизнь», 29 ноября 1959 г.) сваливать в одну кучу поэтов разных поколений, разных опытов, разных дарований. Десятка цитат, приведенных фельетонистом, явно недостаточно, чтобы полностью перечеркнуть четыре поэтических сборника, как это попытался сделать фельетонист.

Встречаются у нас в критике и другие крайности. Есть у нас, на мой взгляд, прекрасный русский поэт Я. Смеляков. И то, что Е. Осетров на

(Окончание на 3-й стр.)

64-я ПАРАЛЛЕЛЬ. *Фоторепортаж Г. РОДИНА*



1.

Снега, снега, снега... Безмолвие не покинуло еще этот уголок тайги.

ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

РИГА

В Риге состоялась конференция читателей «Литературной газеты». С читателями встретились заместитель главного редактора «Литературной газеты» М. Кузнецов, и. о. ответственного секретаря газеты О. Прудков, собственный корреспондент по Латвийской ССР Р. Трофимов.

На конференции выступили поэты А. Имерманис и В. Алатырцев, библиограф Т. Ридзинь, доцент Латвийского государственного университета математик В. Детлавс, директор издательства П. Баугис, директор Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР Э. Сокол, ответственный секретарь многотиражки завода РЭЗ А. Клёцкин, инженер А. Смирнов, журналист Ч. Киндзулис, редактор газеты «Литература ун максла» И. Муйжниек и другие.

Отметив, что в последнее время материалы газеты стали живее и интереснее, читатели внесли ряд своих предложений, касающихся освещения вопросов литературы, внутренней и международной жизни. Газета должна предоставлять больше места читателям. А. Клёцкин предложил давать литературные страницы о творческой жизни писателей братских республик. Некоторые выступавшие подвергли критике освещение в газете литературной жизни братских республик. Были высказаны замечания и по поводу освещения латышской литературы.

◇ ◇

КУЙБЫШЕВ

В Куйбышеве состоялась конференция читателей «Литературной газеты». В зале областной библиотеки собрались читатели из Куйбышева, Ставрополя, Чапаевска и других городов области. Конференцию открыл секретарь Куйбышевского обкома КПСС Д. Землянский. О работе редакции, ее планах и освещении жизни Поволжья в газете кратко доложили заместитель редактора раздела литературы Л. Лазарев и собственный корреспондент по Куйбышевской и Саратовской областям Ю. Оклянский. Писатель К. Лапин рассказал о выступлениях газеты на морально-этические темы.

На конференции завязался горячий разговор о сильных и слабых сторонах газеты. Было высказано много интересных замечаний и предложений. На конференции выступили: слесарь тов. Увин, студентка пединститута тов. Поротникова, учитель тов. Сигал, рабочий Подшипникового завода тов. Бузынин, профессор Медицинского института тов. Аминев, начальник городского отдела Союзпечати тов. Широбоков, сотрудник «Куйбышевгидростроя» тов. Кауфман, критик тов. Машбиц-Веров, поэт тов. Алферов, офицер запаса тов. Казуров, участник заводского литобъединения «Звезда» тов. Евстропов и другие.

ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ

СЛУЖБА СОЛНЦА

Георгий ХАЛИЛЕЦКИЙ

ПО СОВЕСТИ сознаться, услышав в первый раз это название, я подумал, что надо мною подшучивают, благо всякого рода «астрономические» темы в эти дни стали модными. Уж очень необычно звучало оно, словно взятое из фантастического романа: станция службы Солнца!..

Тому, кто давно живет в наших далеких местах, нет нужды выдумывать героические истории: жизнь здесь сама каждый день преподносит их. То это группка китобоев, схватившаяся с морским гигантом в разъяренном океане; то обыкновенные парни-верхолазы, тянущие высоковольтную линию по-над болотами, над горными реками, сквозь тайгу, к новому индустриальному поселку в глухих распадках Сихотэ-Алиня; то моряки, спасающие огромный неуклюжий плот-«сигару» в кипящем восьмибалльном шторме...

Обо всем этом можно было написать не одну новеллу. Но в редакционном задании было ясно сказано: рассказать о научном подвиге. И вот тут-то из глубин памяти всплыли два этих слова: служба Солнца.

А уже наутро наш вездеход петлял по таежным дорогам, и синие тени рассвета ускользали назад, и туман торопливо сползал в буераки.

К полудню дорога привела нас к неширокой горной речке: она скачет по камням, вся окутанная мерцающими брызгами, и нет через нее ни моста, ни брода, чтобы проскочить вездеходу.

Но наш шофер, исследовав довольно большой участок, нашел брод, и мы хотя с опаской, но все же форсировали речку. Минут через пятнадцать начался подъем ввысь, к Солнцу.

Мы поднимались медленно, и небо своим краем вползало под колеса машины и, словно неустойчивое, то и дело покачивалось. А когда, наконец, оно приняло привычное положение и мотор умолк, мы огляделись и увидели одновременно: зеленое море волнистых горных вершин, раскинувшееся где-то внизу, у наших ног, и неправдоподобно голубое чистое небо над ними и на фоне этого неба — гигантские контуры радиотелескопа.

Молодой паренек в спортивной курточке и в вязаной шапочке спрыгнул с основания этого странного, марсианского сооружения.

— Лось, Борис Поликарпович Лось, научный сотрудник станции службы Солнца, — представился он. Разглядывая нас, он словно бы удивлялся: надо ж было людям взбираться на такую сумасшедшую крутизну!

Не только принципы устройства радиотелескопа, очень непривычно выглядевшего в этой таежной глуши, но и многое об обитателях этой станции узнали мы в этот день. Узнали, например, что Лось смущается, как способен только смущаться человек в свои неполные двадцать пять лет, когда его называют по отчеству; что помощница Лося — Ирен Петровна Ивакина, тоненькая и задумчивая девушка, всего лишь на год моложе своего строгого начальника; что третий член этой крохотной группки радиоастрономов, Евгений Николаевич Краденов, самый старший из них по возрасту, собрал за шесть лет своей жизни на станции, — он здесь с первого дня ее создания, — большую и интересную библиотеку классической литературы, какую, пожалуй, не имеет иной москвич или ленинградец, и что давно надо бы переправить библиотеку домой, да все как-то он колеблется:

— Может, и не стоит отправлять? — смотрит он на нас с веселой усмешкой. — Может, здесь ее оставить? Я ведь, знаете, страшный книголюб.

Его коллеги, Борис и Ирен, подобным вопросом — «быть или не быть» — вообще не задаются:

— Меня ж ведь никто сюда насильно не тащил, — пожимает плечами девушка.

Биографии их предельно несложны. Борис учился в Ленинграде. Ирен — в Москве. Борис намеревался стать инженером-радиосвязистом, у Ирен тоже в дипломе значится другая специальность, а вот стали они оба радиоастрономами. И не потому, что тут «нехватка» радиоастрономов, — нет, просто уж очень заманчива эта наука.

У Бориса и у Ирен были возможности превосходно «устроиться»: Бориса приглашали в аспирантуру, Ирен могла использовать авторитет отца, старого, опытного моряка. А они попросились сюда, в глубь тайги, на вершину сопки Безымянной, окруженной сотнями таких же сопок, в тихий уголок, затерявшийся где-то на краю страны.

Мы заметили еще то, что все трое не любят вот таких «жалостных» слов, как, например, «затерявшийся». Борис, чуть горячась, убеждал нас:

— Можно ведь и в таежной глуши чувствовать себя столичным жителем, и в Москве, на Арбате, — безнадежным провинциалом.

Вот они, трое, держат связь с Москвой, с Токио, с Иркутском. Вечерами собираются, — не втроем, а уже всем составом станции, да еще с женами, с детишками, — слушать по радио Чайковского или спорить о новом романе, напечатанном в «толстом» журнале.

Нет, какой уж тут провинциализм, таежная глухомань!

И когда Борис получил от своего старого товарища по институту письмо, полное сочувствия, — вот-де, судьба-злодейка, куда забросила человека! — он в тот же вечер написал в ответ резкие и решительные строки:

«Нет, я не чувствую себя здесь оторванным от жизни. Ни в чем. Понимаешь — ни в чем!..»

ЗАБОТ у них много. Днем они слушают Солнце. Слушают в буквальном смысле этого слова: непрестанно движущиеся массы нашего светила непрерывно посылают в пространства космоса мощные радиоизлучения. И вот здесь, в дебрях уссурийской тайги, на станции службы Солнца Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, три энтузиаста-радиоастронома принимают эти сигналы.

Приходят радиосигналы с далеких звезд, из неведомых галактик. На самописце — приборе, регистрирующем прием радиоизлучений, — непрерывная красная кривая идет то ровно, чуть волнистой линией, и тогда это значит: в космосе относительное спокойствие; то резко вскакивает кверху или падает вниз: это значит, Солнце сотрясается взрывами огненных масс...

Их главная задача — непрерывное наблюдение за интенсивностью Солнца, точнее — систематическая регистрация процессов, происходящих на Солнце. При помощи радиотелескопа они фиксируют спектры отдельных пятен светила.

Собранные сотрудниками станции сведения поступают в Научно-исследовательский институт земного магнетизма и распространения радиоволн. И сведения эти очень важны при изучении проблем радиосвязи.

Ночами дежурный «калибрует» — выверяет телескоп по радиоволнам Полярной звезды. Внешне это выглядит очень поэтично, на самом деле это проза, работа, это бессонные ночи, когда к рассвету уже сами собой слипаются усталые глаза...

Никаких особых заслуг у астрономов уссурийской тайги нет. Но когда ученые всего мира некоторое время назад обсуждали усиливающуюся интенсивность Солнца, мало кто вспомнил при этом о скромном, но кропотливом труде радиоастрономов этой самой далекой в нашей стране станции...

ЕСТЬ здесь и вторая группа из шести человек, наблюдающая Солнце, — ее возглавляет Валерий Гаврилович Банин. Они наблюдают с помощью мощных телескопов. Это не менее тяжело — каждый день четыре часа подряд вести съемку Солнца, кропотливо, тщательно изучать маленькие, в почтовую открытку размером, изображения светила...

В офицерском мундире, с еще не выцветшими следами от погон, Владимир Федорович Чистяков из группы оптической астрономии рассказывал неторопливо и обстоятельно.

— Вы понимаете, материалы наблюдения за Солнцем накопились за много, много лет. Это — огромные возможности для обобщений и самых неожиданных выводов. Недалеко время, когда наши усилия соединятся с усилиями климатологов, биологов, других ученых, и тогда с помощью изучения интенсивности Солнца можно будет многое объяснять и даже предсказывать в природе нашей земной жизни!

...ИТАК, их девять на вершине этой крутой, малодоступной сопки. Девять человек, две площадки с аппаратурою — и океан тайги вокруг.

Они охотно спорят с нами о книгах и фильмах, «угощают» нас показом Солнца в свой мощный телескоп и все говорят, говорят, расспрашивают, с той ненасытной жадностью, какая бывает не просто у людей, соскучившихся по разговору, но у людей, которым до всего на свете — прямое дело. И это понятно: сама работа налагает на их характеры известный отпечаток — то, что они здесь делают, касается всех на земле, и не одной стране, может быть, как и не одному будущему поколению, пригодятся сведения, накопленные здесь.

Их планы и перспективы?

Соединиться с соседней станцией земного магнетизма. Оборудовать ионосферную станцию. Создать комплексный геофизический пункт, чтобы каждый мог вести исследовательскую работу по определенной теме. Добиться заочной аспирантуры...

...Мы простились с обитателями станции службы Солнца, когда уже загустела лиловая вечерняя тьма. Снова ныряла головокружительная дорога, снова теснились, нависая над нами, гранитные утесы. Мы ехали молча и, похоже, думали каждый по-своему, но об одном и том же. О том, что в славу наших лунников и спутников, в большую и звонкую славу советской науки, пусть крохотными шелковинками, а все же вплетены и вот эти безвестные, каждый день до утомительного однообразные работы девяти человек.

ВЛАДИВОСТОК

2. Город Укта. Там, где полтора десятка лет назад была тайга, где было раздолье для зверя, глушь — ныне поднимаются светлые городские ансамбли. Около десяти тысяч квадратных метров современной жилой площади со всеми удобствами получают в этом году ухтинцы.

Виктор УРИН

КОЛЫМСКИЕ САМОРОДКИ

Как красавица гордая, величава она и сурова
и всегда притягательна...
Вот почему
ты ее не забудешь, ты с волненьем приедешь и снова
подойдешь и обнимешь возлюбленную Колыму.
Ты под вечер встретишься с ней в новолунье,
когда, преисполненные любви,
сопки, как ветровые плясуньи,
в хороводе рассыплют брусничные юбки свои.
А ночью застынут они
в рисунке ритмичном и четком,
и вдруг встрепенется, обнажится сопка одна,
потому что на грудь ее золотым самородком
упадет и покатится молодая луна.
И на плечи, как шали, облака наплывут низковато,
и вдали, за отвалом, словно Большая Медведица
(на кабине — четыре, и три — на стреле экскаватора),
семь лампочек ковшиком ярким засветятся.
Эти звезды колымские так понятны тебе, так близки.
Эти звезды, как соль.
Все в тебе.
Все замешено густо,
словно в собственном сердце ты моешь золотые пески,
по крупицам накапливая драгоценные чувства.
Не поэтому ль тянет на Колыму, как магнитом,
как к единственной женщине,
в эти возлюбленные края,
и бодрящий рассвет выбегает ребенком умытым,
и ты говоришь ему:
— Здравствуй, кровинка моя!

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР...

«Восьмое ранение Ивана Плужникова»

В ПОСЛЕДНИЕ дни почтальон приносит десятки писем в квартиру № 17 дома № 10 по Динамовской улице. Этот адрес был указан в очерке К. Лапина «Восьмое ранение Ивана Плужникова» («Литературная газета», 24 ноября). Наших читателей взволновал жизненный подвиг И. Плужникова, который, получив семь ранений на войне, лишившись обеих ног, десять лет проработал на московском заводе «Динамо» и сумел преодолеть последствия восьмого, самого тяжелого ранения, полученного в результате автомобильной катастрофы. Человек остался в строю.

Читатели «Литературной газеты» единодушно приветствуют рядового героя наших дней. «Преклоняю свою старую шахтерскую голову перед вашим подвигом, Иван Семенович!» — пишет москвич А. Танкилевич. «Если бы не было таких, как Плужников, я, быть может, не смог бы сейчас учиться, работать, жить!» — говорится в письме студента О. Грека из Киева. «Вы, Иван Семенович, один из тех, перед которыми все мы в неоплатном долгу, — пишут мать и дочь Черепахины из Костромы, — мы вас не утешаем и не жалеем, — таких, как вы, лишь бесконечно уважают».

Соратник Плужникова по штурму Кенигсберга М. Дегтярев, ныне шахтер в Енакиево, хочет узнать, в каких частях он сражался. Полковник запаса Г. Баранов из Ленинграда просит сообщить фамилии командиров—однополчан Плужникова: ведь подвиги защитников Сталинграда стали достоянием истории и ни одно славное имя не должно быть забыто. Героя приветствуют ветеран революции, бывший матрос «Авроры», ныне персональный пенсионер И. Вашук из Артемовска и школьница О. Хальфеева из Казани, группа инвалидов, отдыхающих в санатории под Миргородом, и коллектив механического цеха завода «Запорожсталь», солист Радиокомитета В. Нечаев (Москва) и ряд военных писателей, приславших Плужникову свои книги с автографами.

Подвиг Ивана Плужникова не единичен, об этом говорят многие письма в «Литературную газету». Москвич В. Семенов рассказывает о сержанте-пожарном А. Татьянине, который, несмотря на ампутированные стопы, является одним из отличников пожарной охраны столицы. Сотрудник районной белоцерковской газеты «Ленинский шлях» С. Азеф сообщает о двух своих замечательных земляках — инвалидах С. Токаревской и Ю. Гапоненко, самоотверженный труд которых служит примером для окружающих. Теплые слова посвящены и Антонине Николаевне Плужниковой, которая самоотверженно помогала мужу в самые тяжелые минуты жизни.

В очерке «Восьмое ранение Ивана Плужникова» приводилось письмо инвалида из Краснодара. Многие читатели дают резкую отповедь этому «Фоме-неверующему», который считает, что в нашей жизни нет и не может быть героев, что их-де «выдумали» писатели и журналисты... Жительница Ашхабада А. Чумакова напоминает краснодарцу о беспримерных подвигах советских людей в дни войны и в дни мира. Днепропетровец Л. Мамото-Лазарев спрашивает инвалида из Краснодара: «А что ты сам, человече, сделал для людей, для того, чтобы превозмочь свою беду?»

Однако некоторые письма читателей «Литературной газеты» заставляют серьезно задуматься: всегда ли мы помним заслуги людей, потерявших свое здоровье в боях и в труде, все ли у нас благополучно с трудоустройством инвалидов, с их бытом, пенсиями?

Нам нетрудно ответить бывшему офицеру, инвалиду Б. Иванцеву из Черкасс, который считает, что если бы Маресьев «не восседал» в Комитете ветеранов войны, он был бы так же забыт, как «забыт точно такой же безногий летчик-герой Сорокин». Нет, уважаемый товарищ Б. Иванцев, Герой Советского Союза Захар Артемьевич Сорокин не забыт. За последние годы он часто выступает в печати, издал свои воспоминания. Неделю назад, узнав из газеты о подвиге Ивана Плужникова, З. Сорокин навестил дома своего боевого товарища.

Нет, подвиги А. Маресьева, З. Сорокина, И. Плужникова и других героев не забыты. Но разве этими именами, названными в печати, ограничивается список героев? И разве только они достойны внимания, уважения, помощи?

Очень трогательно, что семейство Л. Остапенко из Батуми, узнав о подвиге Плужникова, приглашает его с женой к себе погостить летом. Но разве в южном солнце не нуждается инвалид М. Абрамов, который, по его словам, вот уже 14 лет, стоя на своих «железнокожаных» ногах, работает сварщиком в Брянске? Врачи предписали ему южный берег Крыма (где, кстати, он получил пулевое ранение в легкое). Абрамов много хлопотал о переводе в Крым, списался с директором одного из заводов в Севастополе, но там и не заинтересовались его просьбой. А ведь М. Абрамов — герой войны, кавалер девяти боевых орденов. Разве не заслужил он более внимательного отношения к себе?

После опубликования в «Литературной газете» очерка о И. Плужникове, к нему на квартиру приехал начальник эксплуатационно-ремонтного отдела Серпуховского мотозавода Л. Лаврентьев и поинтересовался, не нужно ли помочь Плужникову с ремонтом мотоколяски. Сейчас Плужникову мотоколяска пока не нужна. Но она очень нужна, например, инвалиду А. Летохо, обратившемуся с жалобой в редакцию; он живет в городе Донском, Тульской области, ул. Новая, № 21. Нужна, наверное, не одному А. Летохо,—тов. Лаврентьеву достаточно для этого просмотреть письма и заявления, поступающие от инвалидов на его завод.

Многие читатели рассказывают о своих многотрудных хождениях по отделам ВТЭКа и другим инстанциям, в которых далеко не всегда встретишь внимательное отношение к человеку. А ведь эти организации созданы именно для того, чтобы облегчить жизнь, труд и быт инвалидов.

Иван Плужников встретил в своей жизни замечательных людей—жену, товарищей, врачей, сестер. Он и сам удивительно бодрый, оптимистичный, душевный человек — один из тех, кто никогда не ноет и не жалуется.

Но нередко жалобы инвалидов имеют серьезные основания. Может быть, и инвалид из Краснодара, автор письма в редакцию, стал «Фомой-неверующим» после того, как его несправедливо обидели, не помогли добрым словом и добрым делом? Подумайте об этом, товарищи из Краснодара!..

Инвалид войны и труда — наш товарищ, попавший в трудное положение. Помочь ему, поддержать его—долг советского гражданина, святой долг всех организаций и учреждений, обязанных заботиться об инвалидах. Об этом еще раз напоминают нам многочисленные читательские отклики на очерк об Иване Плужникове.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

Прав, конечно же, прав Турайкевич!

В «Литературной газете» 26 сентября 1959 года было опубликовано письмо Василия Турайкевича. Молодой белорусский колхозник писал в нем о стремлении колхозной молодежи к повышению культуры своего труда, о внедрении новейших достижений науки в производство. Письмо вызвало многочисленные отклики наших читателей — агрономов, колхозников, ученых.

Председатель колхоза имени Чапаева Курской области Иван Коробов, статью которого редакция опубликовала 12 ноября, возражал по некоторым положениям В. Турайкевичу.

Сегодня мы публикуем в продолжение этого разговора статью агронома Елены Осликовской.

НЕ РЕШИЛАСЬ бы я, вероятно, принять участие в обсуждении письма молодого белорусского колхозника, если бы не одно чрезвычайное обстоятельство. А обстоятельство это — отклик председателя колхоза имени Чапаева Крупецкого района Курской области Ивана Коробова.

Когда читаешь его отклик «Просторы есть», может показаться, что Василий Турайкевич зря пришел в уныние. Но так ли уж это предосудительно для человека, пекущегося о правом деле? А правоту молодого, думающего хлебороба как нельзя лучше подтверждает сам товарищ Коробов, когда пытается доказать, будто колхозам не нужна наука в белом халате, — они могут без нее обойтись.

Товарищ Коробов ссылается на опыт 25-летней давности, времен первых шагов Марии Демченко, и выступает против колхозного опытничества на его нынешнем уровне. Он недоволен желанием молодежи создать Дом сельскохозяйственной культуры — этой проверенной жизнью и узаконенной партией, если можно так сказать, колхозной опытной организации.

Напрасно!

Вспомним первые хаты-лаборатории. Вспомним славную плеяду опытников — полеводов, животноводов, садоводов, овощеводов. Чем больше росло колхозное производство и повышалась его культура, тем теснее становилась связь колхозников-новаторов с наукой. В послевоенное время наступает новый этап. В деревне гораздо больше стало умных, сложных машин. Размеры хозяйств резко увеличились, открылись новые возможности для повышения производительности труда. Именно в этот период партия рекомендовала колхозам организовать у себя дома сельскохозяйственной культуры, которые призваны продолжить и развить вглубь и вширь то дело, которым ранее успешно занимались хаты-лаборатории.

В чем смысл и хат-лабораторий, и домов сельскохозяйственной культуры, а затем и опытных станций в колхозах? Эти местные научные учреждения помогают колхозу изучать конкретные условия **своего** хозяйства, избегать шаблона в выборе средств для повышения культуры земледелия и производительности труда во всех его отраслях.

Загляните, допустим, в колхоз имени Свердлова Янги-Юльского района в Узбекистане. Хозяйство крупное, многоотраслевое, располагающее современными гидротехническими сооружениями и оросительными каналами. Чтобы рационально использовать воду и правильно организовать поливы огромных хлопковых полей, понадобились систематические наблюдения, лабораторные исследования. Как же иначе?! Колхозный Дом сельскохозяйственной культуры с помощью Среднеазиатского научно-исследовательского института ирригации разработал приемы, позволяющие рассчитать потребность растений в воде на различных массивах и безошибочно определить время полива. Прежде, бывало, искусством полива владели лишь люди, умудренные опытом многих десятилетий, старики. А ныне наука помогла овладеть этим искусством всей массе колхозников.

Нет надобности подробно рассказывать о Т. С. Мальцеве — широко известном колхозном ученом, организаторе первой колхозной опытной станции. Теперь она уже не одна. Опытная станция есть в колхозе имени Сталина Ново-Троицкого района, Херсонской области. Большую работу ведет такая станция в колхозе «Дружба» Красногвардейского района, Крымской области. Кстати, обязанности ее директора выполняет председатель колхоза И. Егудин. Белый халат на плечах ничуть не мешает ему, а, наоборот, очень помогает двигать вперед экономику родного колхоза.

Товарищ Коробов уповает на переселение научно-исследовательских институтов, высших и средних сельскохозяйственных учебных заведений в сельские местности. Тогда, мол, разом, по мановению волшебного жезла, во всех колхозах веселее заколосится пшеница, расцветет подсолнух, потекут молочные реки. Позвольте мне, по праву старого агронома, сказать, что это—глубочайшее заблуждение. Я обеими руками голосую за то, чтобы наука и учебные институты были как можно ближе к производству, чтобы ученые хорошо знали нужды и запросы сельского хозяйства, а для будущих агрономов деревня была родным домом. Но наивно думать, что у научных учреждений и учебных заведений хватит сил в полной мере обслужить наукой каждый колхоз.

Своими, своими собственными руками надо прикладывать достижения науки к потребностям и возможностям **своего** хозяйства. Самим придется засучить выше локтя рукава и работать, да еще как поработать!

Уместно вспомнить здесь слова замечательного русского ученого А. Измаильского: «Сельское хозяйство, прежде всего, есть дело местное; улучшение в нем главнейшим образом обусловливается борьбой с местными препятствиями...»

С тех пор прошло более шестидесяти лет, а мысль эта не утратила своей свежести и сегодня.

Долгое время в Мало-Девицком районе Черниговской области махорка давала очень низкие урожаи. Что такое? В чем дело? Земля хорошая, суперфосфат вносится в почву по нормам, указанным в инструкции министерства, а растения болеют. Тогда занялись анализом почвы. В ней оказался избыток фосфора, она не нуждается в фосфорных удобрениях. Как буйно росла махорка, когда землю перестали кормить суперфосфатом!

Выходит, надо знать землю, все, что на ней произрастает не «вообще», а вот тут, в **своем** селе, в **своей** лощинке, на **своем** бугорке, если хочешь взять от нее все, на что она способна. Ни один грамотный и добросовестный руководитель хозяйства не может, не должен обходиться без своего коллектива опытников, которые под руководством колхозного агронома изучали бы **свою** землю, ее свойства.

И кто же, как не лучшие представители колхозной молодежи — люди со средним образованием должны прежде всего стать надежной опорой председателя артели в его борьбе за процветание своего колхоза? Прав, тысячу раз прав Василий Турайкевич! И передовые руководители отлично понимают это.

В колхозах давно уже появились люди в белых халатах. Их уважают, ценят, любят. Председатель известного колхоза «Красный Октябрь» Кировской области П. А. Прозоров, например, никогда не забывает отметить заслуги колхозной лаборантки Валентины Гагариновой, освоившей с помощью научного работника производство бактериальных удобрений, благодаря которым повысилась урожайность хлебов. «Без науки никуда», — утверждает председатель артели имени XX съезда КПСС Сталинской области на Украине А. Б. Сорокин. В тесной дружбе с наукой—своими лабораториями, опытной станцией — этот колхоз за девять лет поднял доходы с 300 тысяч до 11 миллионов рублей.

Товарищ Коробов утверждает, что самые лучшие трактористы в колхозе и среднего образования не имеют, и на курсах не учились. Вполне возможно, что тт. Самоделов, Князев и Самарин благодаря своим способностям действительно отличные трактористы. Но разве не ясно, что если бы они учились, они бы еще лучше, скорее освоили свою профессию!

Честь и слава пожилому колхознику Петру Кирилловичу Целикову, который, не щадя сил и времени, после многочисленных экспериментов овладел квадратно-гнездовым способом сева с диагональным переносом мерной проволоки. Но это отнюдь не делает чести председателю колхоза, который беспристрастно наблюдал за длительными исканиями новатора и не связал его с инженером, опытным агрономом, которые помогли бы ускорить достижение цели.

Советский народ высоко ценит наших славных механизаторов Мануковского, Гиталова, Логинова не за то, что они в поте лица ползают на коленках перед машиной и впотьмах, на ощупь пытаются ее разгадать. Совсем нет. Эти люди заслужили почет и уважение за то, что они хорошо изучили машину вплоть до последнего винтика, пришпорили ее, заставили работать с наибольшей пользой и наименьшими затратами сил и средств.

И еще раз о белом халате. Но уже применительно не к лаборатории, а к машинной технике.

Накануне Великой Отечественной войны Азовская МТС Ростовской области долго держала первенство и по производительности труда, и по культуре производства, и по высоким урожаям в обслуживаемых колхозах. Эксплуатацией машин руководил старший механик МТС Степан Перепелин, который еще в те годы ввел правило: трактористы должны в поле работать в светлых рубахах. Чистая рубаха — значит чистые руки, а чистые руки — значит чистая машина. Что такое чистота для машины, вряд ли нужно объяснять. То же и с белым халатом. Он — символ чистоты, а чистота— неизменный элемент культуры везде, в том числе и в сельскохозяйственном производстве.

Обидно становится, когда руководитель колхоза с такой убежденностью выступает против самой элементарной культуры и науки в сельском хозяйстве, как это сделал Иван Коробов на страницах «Литературной газеты». Выступление это, несомненно, отражает взгляды не одного товарища Коробова. Это голос людей, не поспевающих в ногу с веком — веком гигантского скачка к прогрессу во всех областях нашей жизни. И чем скорее эти люди поймут свое заблуждение, тем лучше для них самих и для дела, которым они занимаются.

Предстоящий Пленум ЦК КПСС мобилизует тружеников сельского хозяйства на новые успехи. И в первой шеренге борцов за эти высокие цели будут те, кто без науки — никуда.

Елена ОСЛИКОВСКАЯ

4. Буровые вышки пришли в тайгу. Холодная земля хранит в себе нефть, газ. Скоро вступит в эксплуатацию Джебольское месторождение.

НАКАНУНЕ

З. КУТОРГА

ЭПИГРАФ может быть предуведомлением о замысле произведения или его аннотацией, самозащитой писателя или его исповедью.

Украинская писательница Ирина Вильде избрала эпиграфом к первой книге своего романа известные слова Маркса: «Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым». Здесь — идейно - художественная программа романистки, своеобразное «вместо авторского предисловия».

Роман Вильде — настоящая отходная по буржуазному строю в Западной Украине, а особенно и специально —по вскормленной этим строем паразитической прослойке униатского духовенства. И отходная веселая — в том смысле, как это сказано у Маркса. Трагикомедия существования отдельных лиц, целых семей, родовых священнических гнезд по мере своего развития все более оборачивается фарсом.

Предыстория героинь — жизнь их отца, богослова Ричинского, некогда священника бедного сельского прихода, к моменту «упокоения в бозе» занявшего видное в церковной иерархии место «каноника, тайного советника и клирошанина станиславской диоцезии». Ричинский — не книжный злодей, не скупец, не сластолюбец, он — «добрый пастырь», примерный семьянин, муж и отец. И в то же время это фигура по-своему зловещая. В основе его благополучия — трусливое соучастие с кайзеровскими оккупантами, казнившими «в назидание» украинским мужикам невинного человека. Тогда-то — и на всю жизнь — отец Аркадий заключил сделку с божественной и собственной совестью. А раз начав, уже не брезговал ничем для солидной карьеры и «обеспечения семьи». Но едва своекорыстное существование, прикрытое дотоле оболочкой лицемерного служения богу, окончилось, обнаружились пустота, тлен, суеславие. Даже «капитал» оказался мнимым — пачка обесцененных акций.

Исторические романы, подобные произведению Вильде, часто иронически именуют «широкими полотнами». К «Сестрам Ричинским» это определение может быть отнесено без всякой иронии. Охват исторического материала в романе велик. И разработан он не только вширь — в смысле количества и взаимного переплетения сюжетных линий, многофигурности и сложности композиции, разнообразия персонажей, — но и вглубь. В центре — события 30-х годов, непосредственно приближающие нас к тем дням, когда судьба Западной Украины навеки слилась с судьбой всего украинского народа. Вильде прослеживает генезис, истоки, причинные связи развертывающегося действия. В обстоятельном накоплении фактов, в умелом их подборе сказываются «научные», «исследовательские» вкусы писательницы. По-своему, на своей национальной почве она следует традиции великих романистов XIX века, открывавших миру политические и научные истины.

Сфера интересов Вильде — социальное, в изображении среды, социальных отношений, социальной психологии она до скрупулезности точна и в то же время проницательна, остроумна, патетична. Именно здесь сосредоточен недюжинный познавательный интерес романа, здесь проявляются его художественные достоинства.

Под прикрытием буржуазно-националистической демагогии, пресловутого лозунга «единства нации» лезут в «большие люди» украинские кулаки, попы, фабриканты, фашиствующие проходимцы. Вильде мастерски рисует целую галерею этих персонажей. Здесь и служители церкви из рода Ричинских, и деревенский мироед Курочка, и пронырливый владелец «украинской типографии» Филипчук, и ловкий авантюрист-«интеллигент» Безбородько. «Сливки нации» весьма успешно и к взаимной выгоде сговариваются с властями панской Польши. Зато обе стороны пылают неуемной злобой к Советской Украине, к «красным», к трудовому украинскому крестьянству.

Распад и деградация семейства Ричинских занимают в книге весьма значительное место, — писательница, согласно своему замыслу, «изнутри» показывает историческую обреченность уходящих в прошлое. «Величие и падение» Ричинских даны на фоне глубокого социального антагонизма, который вот-вот разразится открытым взрывом народного гнева.

К концу книги в повествовании как бы перемещается центр тяжести. Страницы, посвященные классовым схваткам, революционным выступлениям, «емки» и значительны. Они передают пафос времени, атмосферу предстоящих великих перемен. «Фигуры фона» — бедняк Петро Мартынчук, наборщик Бронко Завадка—выдвигаются на первый план. Петро Мартынчук, «бунтовское семя», «безбожник», с которым столкнулся некогда молодой Ричинский, превратился в агитатора-массовика, признанного народного руководителя. В его образе запечатлены лучшие черты западноукраинского крестьянства: революционный дух, мудрость, терпение, человечность, талантливость, чувство юмора.

Так же, как сестры Ричинские, Бронко Завадка имеет в романе «предысторию» — жизненный путь отца, старого рабочего Завадки, социалиста «довоенной» формации. На наших глазах этот социал-демократический «социализм», преданный соглашателями и националистами, терпит идейный крах, и старик Завадка, убежденный «противник коммунистов», поневоле признает правоту сына и его товарищей. Сам Бронко приходит к коммунистической партии не сразу, поочередно преодолевая детскую религиозность, «просветительские» увлечения, анархистские юношеские замашки. В его формировании главную роль играет профессиональный революционер, подпольщик товарищ Камынецкий, видный деятель коммунистического подполья. К сожалению, образ Камынецкого очерчен слишком общими, едва уловимыми штрихами.

Первая книга «Сестер Ричинских» воспринимается как экспозиция последующего романа. Представители всех социальных сил, ведущие и побочные фигуры, обрисованы, расставлены по местам и изготовлены к «генеральному бою», раскаты которого уже прозвучали. Намечены личные судьбы основных — молодых по возрасту — героев и героинь. Но изображение тонких лирических чувств, симпатий, переживаний наименее удалось писательнице. Лишенная всяких сентиментов, откровенно циничная «любовная» история Безбородько и Катерины — убедительна и психологически мотивирована. А «трагическая», столь не вяжущаяся с обликом прожженного торгаша страсть ростовщика Сулимана к красавице Неле отдает мелодрамой. И совсем трудно поверить в «роковую любовь», которой с первого взгляда зажглись сердца Ольги Ричинской и Бронко Завадки. Конечно, рано выносить какие-либо решительные суждения по поводу далеко еще не завершенной книги. Но нам представляется, что писательнице, столь мастерски владеющей изображением «социального», нельзя не задуматься над равноценным изображением «личного».

Одна из особенностей книги Вильде — ее боевой, если можно так выразиться, наступательный дух. По прошествии двадцати лет писательница рассматривает события не спокойным, «музейным» взглядом равнодушного летописца, а живым, современным взглядом активного борца. Жгучая ненависть к буржуазному национализму и его прихвостням, к антисоветским клеветникам всех мастей, любовь к народу и к лучшим его людям — коммунистам сквозят в каждой строке. В авторской позиции писательницы не усомнишься! Эта страстная, партийная позиция сближает Ирину Вильде со славными именами западноукраинской литературы — Стефаником, Галаном, Тудором, Гаврилюком.

И. Вильде. «Сестры Ричинские». Роман. Книга первая. Перевод с украинского Вл. Росельса. «Советский писатель», 1959.

3. Девочка коми. Маленькая хозяйка большой тайги: хозяйка новых городов, новых строек, новой жизни.

ЭСТЕТИКА И ЖИЗНЬ

Уже третий день продолжается в Центральном Доме актера научная конференция, организованная Институтом истории искусств Академии наук СССР и посвященная важнейшей теме — роли искусства в формировании человека будущего, в коммунистическом воспитании трудящихся.

Как связать нашу эстетическую науку с непосредственными реальными вопросами художественного воспитания, как преодолеть пока еще существующий разрыв между практикой и теорией? Как добиться того, чтобы наше искусство оказывало постоянное воздействие на художественную промышленность, как объединить усилия всех теоретиков и практиков, ученых, работников искусств и промышленности в деле эстетического воспитания народа, формирования его художественного вкуса? Об этом говорилось в докладе Г. Недошивина, содокладах Л. Пажитнова и А. Карягина, в выступлениях искусствоведов Д. Сарабьянова, А. Аникста, Ю. Дмитриева, В. Кемнова, Д. Писаревского, художника фабрики «Трехгорная мануфактура» Е. Шаповаловой, художников А. Гончарова и Б. Неменского, кинорежиссера Г. Рошаля, писателя Л. Кассиля, театрального режиссера Н. Петрова и других.

Пятидесятилетие Александра Левады

Общественность столицы Украины отметила пятидесятилетие со дня рождения писателя-драматурга Александра Степановича Левады. Автор ряда пьес и киносценариев, Александр Левада в последнее время в содружестве с поэтом Андреем Малышко работал над драматической поэмой «Живая легенда» («Арсенальцы»). Сейчас на сюжет этой поэмы украинский композитор Г. Майборода пишет оперу, которую Киевский театр оперы и балета имени Шевченко намерен подготовить к Декаде украинской литературы и искусства в Москве.

В республиканском Доме литераторов состоялся вечер, посвященный творчеству Александра Левады. Юбиляра тепло приветствовали писатели, артисты, работники кино, представители общественных организаций.

О «МОДНЫХ» ИМЕНАХ И НОВАТОРСТВЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

днях в «Литературе и жизни» напечатал большую статью о Смелякове, вызывает у меня да, я думаю, вызовет и у всех нас самые добрые чувства. Но стихам Смелякова свойственны строгость и настоящая мужская сдержанность. Статья же полна удивительной цветистости.

Оставим на совести Осетрова, скажем, такое выражение: «Стихи не даются ему легко; в них струится собственная кровь» (?!). Дальше речь идет о «первородной свежести слов, которые нам так сладко сто раз повторять». Или: «В этом стихотворении все ново, оригинально, я бы даже сказал, как-то непередаваемо обольстительно». В другом месте критик говорит, что мало кому удается высказать «в художественно-добросовестной форме сокровенную мечту многих».

Все эти красоты — дело вкуса автора. О Смелякове можно было бы сказать без этих красот и значительно более похвальные вещи.

И, наконец, самое главное, что заставило меня обратиться к этой статье. Хваля перечисленные им несколько стихотворений, автор походя обругивает в двух строках самое заветное из того, что создано Смеляковым, одно из лучших произведений советской поэзии последних лет — его поэму «Строгая любовь».

А вот еще один «метод» критики. В той же газете «Литература и жизнь» под рубрикой «Слово—не воробей...» напечатана реплика П. Михайлова «Авансом». В этой реплике П. Михайлов уничтожает выпущенную «Советским писателем» полтора года назад книгу К. Ковальджи «На рассвете». Приведенные автором реплики-цитаты хотя и не являются поэтическими шедеврами, но и не дают повода для авторских выводов с бессмысленной, издевательской последней строкой: «Ах, если бы поэт не гнался за «авансом»!» За каким авансом? Почему надо было таким образом возвращаться к давнишней книжке? Кто такой этот П. Михайлов и что он имеет против Ковальджи?

Все это заставило меня обратиться к книжке. А книжка оказалась небезынтересной. Она по-своему рассказывает о родной автору Молдавии, о детстве поколения, подраставшего в дни войны. Немало в книжке и горячих, чистых стихов о любви. Есть там и слабые стихи,— я здесь не могу разбирать книгу подробно, — но, прочитав ее, в целом проникаешься к автору интересом и симпатией. И читается книга легко.

В связи с этой репликой меня занимает одна мысль. Конечно, газета должна делаться остро и интересно. Значительная часть материалов должна быть краткой и броской. Но в погоне за непременной краткостью не утрачиваем ли мы иногда то главное, что должно быть свойственно критике, — глубину суждений и при любой резкости мудрую бережность к людям? Стоит ли критику уподобляться птице, именем которой названа рубрика? И хорошо ли, что читатели заранее будут говорить, что «видно птицу по полету»?

А сколько у нас поэтических книг, иногда интересных и заслуживающих внимания, остается вообще без рецензий, больших и малых? Многие ли поэты, работающие уже многие годы и пользующиеся постоянным читательским вниманием, видели серьезные статьи о своем творчестве?

В докладе на отчетно-выборном партийном собрании Московского отделения Союза писателей В. Сытин правильно говорил, что писателям необходимо, не ожидая помощи критиков, самим рецензировать в печати книги своих товарищей. Поэты это иногда делают. Видимо, надо делать это чаще. А критика должна быть прямой и острой, но в то же время дружелюбной и внимательной.

«Ракеты» и «телеги»

Теперь о процессах, происходящих в современной русской поэзии.

Как говорить о тебе, русская советская поэзия, с чего начать и какие имена выбрать? Если еще несколько лет назад мы говорили об идейных шатаниях в русской поэзии, то, пожалуй, никогда она не была так едина, как сейчас. Никогда русский поэт не чувствовал такой ответственности и такой полной близости со своим народом:

Гордиться?
Чем?
Стихом?
Едва ли!
Уж лучше нищему сумой.
Меня словами наделяли
Все
Говорившие со мной...
Я весь в долгах.
Куда ни сунусь,
Повсюду забрано вперед.
Минули
Отрочество, юность,
Приходит зрелость...
Долг растет!

Этими словами Василия Федорова выражено требовательное отношение нашей поэзии к себе, ее вечный поиск и высокое чувство ответственности перед народом. В этом советские поэты едины. И вместе с тем в нашей поэзии имеется большое разнообразие творческих манер и стилей, разных авторских почерков, бесконечное количество оттенков отношения к действительности и совершенно разное понимание новаторства в поэзии, разное отношение к основной теме нашего сегодняшнего разговора — «Поэт и современность».

Евгений Евтушенко в только что вышедшем № 12 журнала «Юность» напечатал стихотворение «Ракеты и телеги».

Телегу обижать не надо —
телега сделала свое,
но часто —
будь она неладна! —
в искусстве вижу я ее.
Гляжу я с грустью на коллегу
и на его роман-
телегу.
Мы лунник в небо запустили,
а оперы —
в тележном стиле.

И дальше у него «висят телеги — не картины». «Телеги лезут на экран». Одним словом, «о ты, дегтярный дух рутины!». Как будто здорово?

Этим евтушенковским строкам вторят студенты Литинститута Панкратов и Харабаров, заявляя, что нельзя писать о современности стихом «времен турецкой войны».

Борис Слуцкий в одном из своих стихотворений, напечатанном в «Литературной газете», пишет: «что-то физики в почете, что-то лирики в загоне». Поиски точного слова, точной формы при разговоре о современности вполне законны, но что это за новая форма? Некоторые молодые поэты думают, что, если вернуться к рифмам Марины Цветаевой, или Андрея Белого, или к северянинскому кокетству, это и будет новая форма. Почему у Михаила Дудина и у многих других поэтов вызвало такое обидное чувство стихотворение Бориса Слуцкого? Потому, что, определив, что «лирики в загоне» (какое, кстати сказать, неточное слово!), Слуцкий становится в позицию постороннего наблюдателя и заявляет: «так что — даже не обидно, а, скорее, интересно». Как можно с таким неуважением относиться к собственному делу, к делу твоей жизни, с таким равнодушием?

Мы привыкли к другому отношению к поэзии:

И былинка легкая проснулась,
Заиграла речка, стихнул зной.
Это их Поэзия коснулась
Властью, ей присущей лишь одной.

Так пишет Александр Прокофьев. Вы скажете, что это о природе, а не о космосе. Хорошо, вот вам про другое:

Это
Почти неподвижности мука —
Мчаться куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно, что есть уже где-то
Некто,
Летящий
Со скоростью
Света!

Это Леонид Мартынов.

А всем известные стихи Сергея Орлова о том, как он сдавал экзамен на поэта!

Я могу принять стихи, написанные лесенкой, стихи, зарифмованные полной рифмой и построенные на ассонансах и на глаголах, и просто белые стихи, и стихи в классическом ритме, и свободно написанные стихи, но трудно принять холодное, стороннее отношение к делу своей жизни — поэзии.

Кстати, у нас есть в поэзии репутации, завоеванные многолетним трудом, большой читательской любовью, и есть имена, искусственно раздуваемые шумом в прессе. Надо об этом сказать прямо.

Борис Слуцкий — небезынтересный поэт, в судьбе которого много неправомерного. Сначала из соображений чисто вкусовых его незаслуженно не печатали, потом также незаслуженно Илья Эренбург провозгласил его одним из лучших поэтов современности. А потом—так и пошло: один критик, удивленный таким внезапным вознесением, его несколько переругает, другой в ответ опять накинет несколько лишних баллов. Когда наши товарищи ездили в Италию, то оказалось, что там Слуцкий под влиянием этого шума более известен, чем, скажем, Твардовский или Прокофьев.

А на самом деле? На самом деле он автор двух небольших книг, в которых есть более интересные и менее интересные стихи. В лучших из них — поиски точного слова, солдатской ясности речи. Но даже и в лучших — немало огрехов. А в последнее время Слуцкий все чаще публикует стихи совсем слабые, как, например, недавно в № 9 журнала «Знамя».

Не в захваливании и не в ниспровержении нуждается поэт Борис Слуцкий, а в спокойном, серьезном критическом разговоре.

Выше я уже назвал имя Евгения Евтушенко. Его имя, кстати, нередко называют рядом с именем Бориса Слуцкого, но это явление иного рода. Я люблю многие стихи Евтушенко, начиная с глубокого и яркого стихотворения «Спутница», в котором он заговорил от имени поколения, и кончая прочитанным им на заключительном вечере Дня поэзии отрывком из поэмы «Считайте меня коммунистом». Но с первых книг Евгения Евтушенко меня огорчила необыкновенная пестрота его творчества. Рядом с чистым и глубоким стихотворением, говорящим и об уме поэта, и о настоящем его большом волнении, и о тонкой его наблюдательности, как правило, идет пустоватое, кокетливое стихотворение, нередко написанное с позиций бездельника. А к книжке «Обещание», изданной два года назад, Евтушенко не постеснялся предпослать откровенную самопародию:

Я разный —
я натруженный
и праздный,
я целе-
и нецелесообразный,
я весь несовместимый...

Даже не хочется цитировать дальше.

К чести Евгения Евтушенко, в новой книге, выпущенной «Молодой гвардией», — «Стихи разных лет»,—это стихотворение он не перепечатал. Но и в этой книге немало кокетства и претензий. А стихи, недавно напечатанные в «Октябре», как известно, вызвали возмущение многих любителей поэзии, до того ценивших Евтушенко.

Можно как угодно относиться к стихотворению Сергея Островского в «Литературной газете», но все то альковное, что выболтал Евтушенко в своем цикле в «Октябре», — прав Островой,—было сказано не по-мужски. Не по-мужски, потому что уважающий себя мужчина никогда не вынесет на народ всего того интимного, неповторимого, что происходит между двумя людьми, и чистого только до тех пор, пока это ведомо им одним.

Не знаю, замечал ли сам Евтушенко это, но, перечитав его стихи о любви, я с удивлением увидел, что он очень часто как бы становится в позицию женщины:

Баловали меня,
а я —
как небалованный,
Целовали меня,
а я —
как нецелованный.

Какая-то странная позиция для мужчины.

Может быть, это случайно? Вот другое стихотворение:

Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.

Следующее стихотворение:

Ты мне звонишь нередко,
но всякий раз в ответ,
Как я просил,
соседка
твердит, что дома нет.

Еще в одном стихотворении:

Она поцеловать себя попросит...

Еще одно стихотворение:

Она ко мне приходит иногда...

И наконец еще в одном:

Припав ко мне,
рукой моею
Счастливо гладишь ты себя.

Можно продолжить эти цитаты.

Какая странная позиция для сильного, молодого советского парня, комсомольца, — позиция кокетливого пажа Керубино, позволяющего себя ласкать.

Это не так смешно, как грустно.

Еще раз повторяю: я по-настоящему люблю Евгения Евтушенко в его лучших стихах. Мне очень дорог этот человек. И мы вправе спросить: «Не пора ли мужчиною стать?».

Евтушенко подрос как раз к 1956 году, когда кое-кто у нас в литературе подрастерялся и перепутал настоящие ценности с мнимыми, серьезное, большое — с малым. Это не могло не повлиять на впечатлительную натуру юноши Евтушенко. Но с тех пор прошли годы, — пора бы разобраться и поглубже.

Мы знаем, как тяжко живется сейчас многим писателям и поэтам капиталистических стран. На фестивале молодежи в Вене, на встречах писателей мы слышали правдивые и волнующие рассказы наших друзей по перу. Молодой англичанин, например, рассказывал, что в Англии почти не покупают поэтических книг. Мы очень хорошо знаем, что многие поэты ушли в абстракционизм, абсолютно оторвались от жизни и считают своей доблестью писать так, чтобы их никто не понимал,— для избранных!

Нам все чаще и шире приходится и придется дальше общаться с литераторами капиталистических стран, спорить с ними и — я надеюсь — убеждать их. Надо особо твердо стоять не только на своих идейных, но и на своих эстетических позициях. А вот здесь, мне кажется, Евтушенко еще не очень определился. Многие считают, что творчество Евтушенко — новаторское. В частности, иногда говорят: евтушенковская рифма. Мне уже где-то при случае пришлось сказать, что рифма, которую употребляет Евтушенко, задолго до него известна нам по творчеству Марины Цветаевой и многих других русских поэтов начала века. Разумеется, ничего нет дурного в применении этой рифмы. Но Евтушенко новатор не там, где он пользуется той или иной рифмой, а там, где он говорит от имени поколения, там, где он говорит, по-настоящему проникая в душу своего читателя и возвышая эту душу, помогая этой душе быть чище и богаче.

Возвращаясь к вопросу о новаторстве, я хочу обратиться к книге Корнелия Зелинского «На рубеже двух эпох». Зелинский приводит несколько строк из статьи одного из зачинателей пролетарской поэзии Николая Полетаева о предрассудках в поэзии, в которой он полемизирует с формалистическим подходом к стихам. Вот что пишет Полетаев: «Если же нет подлинности переживаний, то не спасут и редкие, вычурные рифмы и необычайные сопоставления... существует только подлинное или неподлинное, то есть подделка. Все остальное в поэзии — предрассудок».

Так вот, подлинностью отличается многое в нашей поэзии. Но в этой статье я хотел поставить только некоторые вопросы, связанные с проблемой новаторства и так называемыми «модными» поэтическими именами.

64-я ПАРАЛЛЕЛЬ

5.

И все же Север остается Севером. Где еще увидишь лося в упряжке? В Государственном Печеро-Илычском заповеднике — это обычная картина.

Александр РАСКИН

Новые эпиграммы

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

С. МАРШАКУ

От сильной
слабую строку
Он отличит
наверняка,
Но не читайте
Маршаку
Вы эпиграмм на
Маршака.

К. ЧУКОВСКОМУ

Крокодил,
крокодил,
Он повсюду
выходил,
По-чуковски
говорил,
Про Не-не, про
Кра-кра,
Про Не-кра-со-ва,
Что его
ма-стер-ство
Кла-кла-клас-со-во.

В. ЗАХАРЧЕНКО

Василий
Захарченко
множество лет
Проводит в
писательском
клубе совет
И ездит по белому
свету.
Он самый ведущий
(программу) поэт.
Он самый ведущий
(машину) поэт,
Другого подобного
нету.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ПОЭТА

И так,
И сяк,
Иссяк...

МОСКВИЧУ, ПЕЧАТАЮЩЕМУСЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

Итак, переменили
вы насест,
Но впрок вам не
пошли суровые
уроки:
Не изменяются от
перемены мест
Слагаемые вами
строки.

ДОБРОГО ПУТИ!

Стихи Владимира Михановского

Стихи молодого харьковского поэта Владимира Михановского не могут не привлечь внимание.

Слишком много появляется в наше время под рубрикой «Новые стихи» довольно старомодных сочинений о березках, о гармониках, о речках и прочих буколических подробностях, и как-то чересчур мало видишь стихов, берущих и поэтизирующих область, куда вторгается наука, где лежат неразведанные поэтические пласты, пронизанные «излучениями» острой современности.

Вот у Владимира Михановского есть эта новаторская тематическая жилка. Он сроднился с физикой и математикой, но эти дисциплины не стали для него областью сухих формул, наоборот, — они явились источником поэтических замыслов и первых свершений. Они с крыльями, с человеческим вызовом всему, еще нами не изведанному, в них пульсирует современность и уверенность в могуществе советского человека.

Сергей СМИРНОВ

Знанья острый луч на мир ложится...
И всплывают в глубине туманной
Антивещество, античастицы, —
Антимир, таинственный и странный.
Так!..
Но для грядущих поколений
Станет он привычен и обжит.
Святцы человечьих представлений
Ветер буйный треплет и кружит.
Пусть в рубцах натруженная плаха.
Разум, разум, — что тебя сильней? —
И срывает Землю с черепахи,
И бросает в бездну
Галилей!

Мир един, и в нем неразделимы
Пики гор — с голубизной долин,
Тропики — и северные зимы,
Ненависть — с любовью...
Мир един!..
Жизнь рождает звездные реторты,
Бьются беспокойные аорты, —
Кровь бежит по жилам голубым,
И, кружась, несется по Вселенным,
По раздутым, опьяненным венам
Шар земной наш —
тельцем кровяным.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Из глубин Вселенной мчится,
Разогревшись от разгона...
Добрый день, микрочастица,
Родственница электрона!

Долго в руки не давалась, —
все скрывалась отчего-то.
Разрешите вашу Малость
Зафиксировать на фото!

Что вам, дочь протуберанца,
объектива блеск влюбленный, —
вам, без справок и квитанций
Во Вселенную вселённой!

Вы упрямы и капризны,
И чуть что — чините бунты,
Да и время вашей жизни —
Миллионная секунды!..

В ливни ядерные формясь,
Вы живете, небожитель.
Разрешите, ваша Скорость,
Посадить вас в ускоритель!

И, поверьте, не случайна
ваша яркая дорога...
Разрешите, ваша Тайна,
Рассекретить вас немного!..

ХМУРОЕ УТРО

Восток надрезан острием ножа,
И в прорези — заря, юна, свежа,
И город на мгновение застыл
Под взмахом легких ярко-алых крыл —
Как будто каждый понял, наконец,
Что солнце—это ведь не только ТЭЦ,
Что есть еще на свете красота,
И то, что называется мечта,

И этот побеждающий рассвет,
И то, чему еще названья нет...
И ты в глаза огромные смотри
Вот этой незахватанной зари.

Новинки

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

«Поэзия в бою» — сборник суровых и мужественных стихов советских поэтов о Великой Отечественной войне. (Воениздат. М. 1959). Авторы — люди разных поколений. Многие надели армейские шинели 22 июня 1941 года и прошли вместе с народом весь долгий и героический путь.

Советские поэты, призванные Родиной, были идущими впереди. Их стихи прославляли беззаветную любовь ее сынов-солдат, учили ненавидеть врага, подымали на бой «ради жизни на земле».

СТИХИ О РАБОЧИХ ЛЮДЯХ

Уральский поэт Юрий Трифонов выпустил в Свердловске свою первую книгу стихов «Завязь». Несомненным достоинством сборника является теплое, сердечное отношение поэта к его героям — сталеварам и морякам, хорошим рабочим людям. Видно, что поэт не просто гость среди них. Тесная дружба связывает поэта с его героями.

Сила конкретности

Есть три художественных элемента стиха, три начала в поэзии: музыкальное, смысловое и пластическое.

В стихах, собранных в итоговую книгу К. Ваншенкина «Лирика» («Советский писатель», 1959), преобладает начало пластическое. Это не значит, что в его стихах нет музыкальности и мысли, — они присутствуют, но доминирующим элементом книги является пластичность и живописность — они ключ к его поэтике.

Открыв книгу К. Ваншенкина, прежде всего начинаешь видеть: поэт показывает нам картину за картиной. Зрение К. Ваншенкина пристальное, точное. Жизнь он видит во всех подробностях, во всех бытовых и обыденных деталях.

Казалось бы, незначительная, мелкая бытовая деталь, а она является колоссальным средством для придания достоверности рассказываемому. Это хорошо чувствует К. Ваншенкин. Он шагает с детали на деталь, как с камня на камень, больше всего на свете боясь ступить на зыбкую почву общих мест и общих рассуждений.

Вот стихотворение «Рабочий». Небольшая зарисовка, но созданный поэтом скульптурный образ врезывается в память:

Тряся коротким чубом темно-русым
И глядя вниз из-под тяжелых век,
Он моется медлительно, со вкусом,
Как истинно рабочий человек.

Он моется, с ладоней грязь сдирая,
Сначала пена мыльная черна,
Но вот вскипает серая — вторая,
И третья пена—радужна она.

Из медного, чуть с прозеленью крана
В ладони бьет крученая струя.
Он хочет есть. Он встал сегодня рано,
Когда еще спала его семья...

В каждом движении чувство собственного достоинства и скрытая сила человека, хозяина жизни. Здесь и неторопливая обстоятельность описания, и скрупулезная точность детали (чего, например, стоит хотя бы один «медный, чуть с прозеленью кран»).

В книге есть небольшой цикл стихов, посвященный армии. Поэт любит и знает ее быт. И в этой теме он стремится выразить общее не через общее же, а через подробность. Вот, например, строфа из стихотворения, в котором говорится о часовом:

И, чтоб не запачкать солдату
Винтовки, что так дорога,
Поставлен затыльник приклада
На черный носок сапога...

Только человек, знающий армию «изнутри», мог воспроизвести эту «интимнейшую» подробность солдатского быта.

В лучших стихотворениях книги К. Ваншенкина пластика физическая органически связана с пластикой внутренней, психологической. Всякий душевный жест тотчас же поддерживается жестом внешним (стихи «Верность», «Мальчишка», «Сердце» и др.).

Мир К. Ваншенкина — мир обыкновенных скромных людей.

Есть поэты деревни, есть поэты города. К. Ваншенкин остро чувствует поэзию небольшого городка или пригорода большого города. Ему милы и дороги скромные краски подмосковного рассвета, пароходик на реке, что «растерянно-удивленно кричит в тумане», «крыши, изгороди, тротуары», громыхающий по мостовой «фургон с хлебом» (стихотворение «А у нас в городе светает». Сб. «Волны». «Советский писатель». 1957).

Подробны картины пригородной природы, лесов, где «тропинка переплетена твердыми и цепкими корнями», где около железной дороги «шлагбаум — поднятый... наподобье крохотной зенитки», где сосны, у которых «стволы... коричневы снизу и бронзово-рыжи вверху», с крон которых летят на землю «парные иголки».

Есть в книге «Лирика» стихи и другого характера. Сила этих стихов не в поэтической живописи, а в точно сформулированной мысли. Это стихи «Мой милый друг, вполне могу ручаться...», «Я был суров, я все сгущал...», «Мимоходом» и другие. Над каждым из этих стихотворений, как облачко, стоит раздумье:

Я был суров, я все сгущал,
И в дни поры своей весенней
Чужих ошибок не прощал
И не терпел сторонних мнений.

Как раздражался я порой,
Как в нелюбви не знал покоя.
Сказать по совести, со мной
Еще случается такое.

Но, сохраняя с прошлым связь,
Теперь живу я много проще:
К другим терпимей становясь,
К себе взыскательней и жестче.

Стихотворение это стройно композиционно. В нем нет ничего лишнего, оно компактно — ни одного пустого слова, ни одного случайного эпитета, все слова связаны друг с другом железной круговой порукой.

Кажется, что это стихотворение написано одним дыханием, одним стремительным росчерком пера, оно «без швов».

И однако, читая книгу Ваншенкина, перечитывая по нескольку раз то или иное стихотворение, улавливаешь в его манере таящуюся в ней очень большую опасность. Иногда поэт чересчур увлекается изображением, а, не подхваченное чувством и не пронизанное мыслью, оно тянет стихотворение вниз — делает его тяжеловато-прозаичным, чрезмерная детализация начинает утомлять своей заземленностью. Деталь становится уже чем-то удручающим.

Подчас зарисовка так и остается зарисовкой. Страшно, если романтическое, сверхнапряженное ощущение мира, высокая духовность и полет, которые, на мой личный взгляд, необходимы для поэзии, подменяются жанром. Бытовизм и бездумная описательность — реальнейшая опасность для К. Ваншенкина.

Конкретность — оружие. С ним можно добиться немалых побед. Но прекрасно оно в том случае, когда оно подчинено сильному чувству и острой мысли.

Евг. ВИНОКУРОВ

РЕПЛИКИ

КОМУ ЖЕ СЛЕДУЕТ ПОПРАВЛЯТЬСЯ?

«Литературная газета» 5 декабря опубликовала статью Е. Суркова «Поэзия — в правде», критикующую пьесу и спектакль «Сердце девичье затуманилось».

8 декабря «Советская культура» в реплике «Если уж поправляться, то как следует, до конца» констатировала, что «статья «Поэзия — в правде» несколько отличается в лучшую сторону» от ранее напечатанной у нас на эту же тему статьи Б. Медведева.

Неизъяснимый комизм этой похвалы состоит в том, что статья «Поэзия — в правде», как в этом убедится каждый, кто ее прочтет, посвящена последовательному опровержению рецензии Л. Барулиной на спектакль «Сердце девичье затуманилось», опубликованной в «Советской культуре» от 17 октября. Странным образом, не заметив критики в свой адрес, «Советская культура» объясняет смысл нашего выступления как «стремление подправить... позицию «Литературной газеты».

Очевидно, «Советской культуре» нечего сказать в защиту своей статьи. Но в этом случае как раз и надобно «поправляться как следует и до конца».

Почему сердит г-н Ачесон?

А. ЛЕОНИДОВ

ДИН АЧЕСОН, бывший государственный секретарь Соединенных Штатов, взволнован ходом мировой истории. Он убежден, что она развивается не так, как ей полагается, и гневно протестует. По его мнению, жизнь без «холодной войны» — не жизнь. Он требует, чтобы 1959 год был вычеркнут из протоколов международной политики.

Мы не знаем, послушается ли история г-на Ачесона и начнет ли все сначала. Насколько нам известно, переубедить ее не удавалось ни Торквемаде, ни Меттерниху, ни Гитлеру. Даже Джон Фостер Даллес не смог ничего сделать и умер с разбитым сердцем. Но пока готовится ответ истории, позволительно спросить: кто такой г-н Ачесон?

Было бы невежливо говорить о нем как о забытом человеке. Дин Ачесон ушел из дипломатического ведомства только семь лет назад. Он все еще известен как видный юрист, и его и теперь считают лидером правого крыла демократической партии. В американском биографическом справочнике «Кто есть кто», где ему уделено 27 строк, отмечены все его чины и должности. Но справочник умалчивает о самом интересном.

Г-н Ачесон не просто вашингтонский адвокат и не только старый друг «отца холодной войны» — экс-президента Трумэна. Он обладает другими, не менее важными качествами. То, что эти качества скрыты, не умаляет их значения. Напротив. Негласная сторона деятельности некоторых реакционных политиков Запада нередко важнее гласной. Только открыв крышку часов, вы видите, как действует механизм.

Дин Ачесон — компаньон вашингтонской адвокатской фирмы «Ковингтон энд Барлинг». Большая часть жизни бывшего государственного секретаря прошла в стенах этой конторы, куда он вступил около 40 лет назад и куда вернулся тотчас же после своей отставки. Здесь делалась его карьера.

Фирма «Ковингтон энд Барлинг» не занимается уголовными делами. Ее сфера — работа за кулисами, та «конфиденциальная политика», которой прославилась и адвокатская контора Даллесов «Салливэн энд Кромвелл». У каждой из этих фирм своя особая «территория», свой юридический «рынок». Оффис, где когда-то работали братья Даллесы, имеет свое местопребывание в Нью-Йорке и специализируется на «обработке» республиканской партии. Фирма «Ковингтон энд Барлинг» действует в Вашингтоне, в непосредственной близости к конгрессу, связывая своих клиентов с верхами демократической партии. Но, по существу, обе фирмы заняты одним делом. У американцев это занятие называется «лоббизмом» — работой в прихожих и кулуарах — и считается важной профессией. Недаром в состав конгресса США входят 311 юристов. Ачесоны и Даллесы — ходатаи по делам монополий. Говоря более высоким слогом, они — юрисконсульты финансовой олигархии.

В Соединенных Штатах эта форма адвокатской практики доведена до своеобразного совершенства. Когда у клиента в сейфах сотни миллионов или даже миллиарды долларов и когда его частные дела влияют на ход международных отношений, его ходатаю открыты все двери. Стряпчие миллиардеров занимаются как внутренней, так и внешней политикой. Многие государственные дела вершатся за их письменным столом. Такие фирмы, как «Салливэн энд Кромвелл» и «Ковингтон энд Барлинг», представляют монополии в доверительных переговорах с правительственными ведомствами, вербуют для них друзей в конгрессе, добывают для них заказы и концессии, продвигают их ставленников на посты в правительстве и в аппарате правящих партий. Все делается без шума. Руками тех же посредников большей частью осуществляется негласный контакт с прессой. Юрисконсульты олигархии всегда за сценой — где-то между конторами трестов, кабинетами партийных лидеров и приемными сановников.

Вознаграждение, которое руководители таких юридических фирм получают за свои услуги, соответствует размаху их деятельности и тонкости их работы. Дело не только в количестве нулей на чеках. Виднейшим из стряпчих монополий платят, помимо того, гонорары другого рода. За последние 10 лет как «Ковингтон энд Барлинг», так и «Салливэн энд Кромвелл» дали США по государственному секретарю.

Чей же стряпчий г-н Ачесон?

ЕГО КЛИЕНТЫ не принадлежат к какой-либо одной политической партии. Фирма «Ковингтон энд Барлинг» обслуживает тех же некоронованных финансовых королей США, которые, когда надо, пользуются услугами фирмы «Салливэн энд Кромвелл». Все зависит от того, кто стоит у власти. Когда правит республиканская партия, преимущество на стороне конторы Даллесов. Когда приходит черед демократов, лидирует г-н Ачесон. Рынок поделен. Жизнь течет. Парламентская машинка движется взад и вперед, туда и обратно. Адвокаты сменяют друг друга. Ничто не меняется.

Ни для кого в Вашингтоне не секрет, что советами «Ковингтон энд Барлинг» давно пользуется банк Морганов, считающийся патроном демократической партии. Но это отнюдь не значит, что фирма брезгает делами династии Рокфеллеров, по традиции поддерживающей республиканскую партию. Думать так — значит ничего не понимать в высшей заатлантической юриспруденции.

Своим заместителем на посту государственного секретаря Ачесон в 1949 году сделал дельца Джеймса Уэбба. В настоящее время Уэбб — директор рокфеллеровской монополии «Макдоннелл эйркрафт корпорейшн», сбывающей американскому правительству по фантастическим ценам военные ракеты. Рокфеллеры заинтересованы теперь в атомно-ракетных вооружениях не менее, чем в нефтяных делах. Миллиарды долларов вложены ими в военную промышленность. Удивляться тому, что г-н Ачесон питает отвращение к идее мирного сосуществования, не приходится. Но у него имеются на это и другие веские причины.

Когда Ачесон в 1933 году был заместителем министра финансов, он пригласил в качестве своего помощника молодого адвоката Джона Лэйлина. Два года спустя Лэйлин вошел в фирму «Ковингтон энд Барлинг» и с тех пор является компаньоном Ачесона. Но одновременно Лэйлин занимает и другой пост. Он — директор банка Шредеров в Нью-Йорке.

Что это значит, понятно на Западе без слов каждому биржевику. Едва ли какой-либо другой банк сыграл за последние 30 лет столь же зловещую роль в истории международных отношений. Банк Шредеров — это старый банк Гитлера.

Помнит ли г-н Ачесон, какие дела вели его клиенты из этого банка в былые годы?

4 ЯНВАРЯ 1933 года в Кельне происходит секретная встреча Гитлера с фон Папеном, на которой принимается решение свергнуть правительство Шлейхера и сделать Гитлера рейхсканцлером. Хозяин дома, где происходит встреча, — барон Курт фон Шредер, глава германского филиала международного банка Шредеров. Человек, который еще раньше знакомит Гитлера с магнатами Рура, субсидирующими фашистскую партию, — барон Бруно фон Шредер, глава лондонского отделения того же банка.

Гитлер приходит к власти. Официальным финансовым представителем нацистского правительства в США назначается филиал банка Шредеров.

В 1934 году группа германских монополистов объединяется в так называемый «кружок Гиммлера», который начинает регулярно отчислять крупные суммы на «особый счет» руководителя эсэсовцев. Средства из этого фонда расходуются на строительство газовых камер и печей, в которых нацисты сжигают антифашистов и евреев. Деньги на «особый счет» Гиммлера вносятся в филиал банка Шредеров в Кельне. Управляющий фондом — Курт фон Шредер, назначенный генералом эсэсовцев.

Рисунок Н. Лисогорского

Ведущий военно-химический концерн Германии «И. Г. Фарбениндустри» вступает в союз с рокфеллеровским трестом «Стандард ойл» с целью совместной разработки методов производства важных военных материалов, в том числе авиационного бензина и синтетического каучука. Ценнейшие технические секреты США попадают таким путем в руки вермахта. Как «Стандард ойл», так и «И. Г. Фарбениндустри» наживают бешеные деньги на вооружениях. В числе главных акционеров «И. Г. Фарбениндустри» — кельнские семейства Шницлеров, фом Ратов и Брюнингов, связанных с германским филиалом банка Шредеров. В числе финансовых союзников семьи Рокфеллеров — банк Шредеров.

1945 год. Гитлер кончает самоубийством. В Западной Германии действует американская военная администрация. Назначено расследование дел кельнского отделения Шредеров. Расследование срывает один из руководителей финансового отдела штаба американской оккупационной армии капитан Богдан — вице-президент нью-йоркского филиала банка Шредеров.

На языке «лоббистов» это называется чистой работой.

НЕТРУДНО предугадать, что скажут коллеги г-на Ачесона, если перед ними выложат все эти факты. По всей вероятности, они хладнокровно пожмут плечами. Такова жизнь. Никого не касается, с кем ведет дела частная юридическая контора. Американский адвокат работает на кого угодно — это его ремесло. Бизнес есть бизнес. Это верно. Адвокаты иногда защищают и убийц. Но когда частная практика адвоката сливается с международной политикой, его клиентура представляет интерес для всего мира.

Г-н Ачесон не простой стряпчий, это бесспорно. Но и Шредеры не простые клиенты. А ведь, судя по всем данным, именно Шредеры наряду с Рокфеллерами представляют собой главную опору фирмы «Ковингтон энд Барлинг».

Правда, г-н Ачесон сам не входит в правление этого банка, а только представлен там своим компаньоном. Нельзя отрицать, что это лишний раз подтверждает тонкость его работы. Будучи не только юристом, но и высокопоставленным политиком, он, естественно, вынужден соблюдать осторожность. Незачем выпячивать свои связи.

Но в данном случае г-н Ачесон только буквально скопировал пример другого известного американского адвоката. Покойный Джон Фостер Даллес также никогда не принадлежал к правлению банка Шредеров, хотя и он был замешан в их дела. Вместо него там сидел его брат Аллен.

Так обстоит дело и по сей день. По одну сторону стола в правлении банка Шредеров в Нью-Йорке сидит представитель конторы «Ковингтон энд Барлинг» Джон Лэйлин, по другую — уполномоченный конторы «Салливэн энд Кромвелл» Норрис Даррелл. Соблюдается пропорция. Один представляет кулуары демократической партии, другой ведет вестибюлем республиканской партии. Банкиры типа Шредеров не любят рисковать. Они никогда не ставят только на одну лошадку.

Игра продолжается. Ошибочно думать, что после второй мировой войны Шредеры сошли с международной сцены. Они по-прежнему занимаются своим бизнесом как в США и Англии, так и в Западной Германии. Их кельнский филиал снова работает вовсю, хотя и почти бесшумно. Два крупных дела привлекают теперь внимание Шредеров.

Первое из них — это объединение монополий Западной Европы в новый антисоветский и антикоммунистический блок под главенством магнатов Рура. Г-н Ачесон сделал в свое время все, чтобы подготовить создание такого блока. Будучи государственным секретарем в правительстве Трумэна, он официально заявил, что ждет многого от объединения западноевропейской тяжелой промышленности, ибо оно приведет к «росту военного потенциала Западной Европы».

Не менее любопытно второе новое дело, в котором заинтересована группа Шредеров. Речь идет о плане создания военно-атомной промышленности в Западной Германии. Атомные бомбы для Штрауса и Шпейделя!

Выясняется, что руководство промышленными делами этого рода в ФРГ находится в руках той же группы монополистов, которые при Гитлере управляли концерном «И. Г. Фарбениндустри» и действовали в контакте с кельнским филиалом Шредеров. Столь же любопытно, что ее союзниками и теперь выступают Рокфеллеры!

Гитлера нет, но Шредеры живы. Недавние антисоветские выступления г-на Ачесона не случайно вызвали такой бурный взрыв одобрения именно в Бонне. Давнишние партнеры вновь действуют рука об руку.

Так работает фирма «Ковингтон энд Барлинг». Бросив взгляд на ее дела, мы поняли и г-на Ачесона. Понятно, почему г-н Ачесон влюблен в «холодную войну». Понятно, почему он так горячо берет под защиту западногерманских милитаристов. Понятно, почему он не хочет соглашения о Западном Берлине.

И понятно, почему этот 66-летний адвокат политически мертв.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ

ЛОРД И КАПУСТА

МЭР Грум задумчиво перелистывал недавно изданную в Австралии книжку с поэтическим названием «Цветы сливы». В ней были собраны переводы китайских детских стихов. «Ну надо же, — размышлял про себя лорд-мэр Брисбэйна,— дети стихи почитывают!» Его рассеянное внимание привлекла иллюстрация: два малыша тащат громадный капустный лист. Мэр начал читать стихотворную подпись... и вдруг хладнокровный, благовоспитанный лорд подскочил, как ужаленный, и, уподобившись простолюдину, закричал в телефонную трубку: «Уничтожить!! Немедленно выбросить из библиотек! Не допущу коммунистической пропаганды!»

Опасная, чудовищная крамола вкралась в стихотворение «Большая капуста». Вот содержание. Двое мальчишек разглядывают гигантский кочан капусты, который невозможно даже унести, — так велик он. Ребята взяли с собой капустный листок втрое больше их самих. «Откуда такая капуста?» — недоумевает приятель. «Из нашего кооператива», — отвечает другой.

Кооператив! — вот оно страшное пропагандистское слово, способное «растлить» души юных австралийцев. К счастью, на страже политической нравственности граждан Австралии стоят люди, подобные мэру Груму. Первым делом он пригрозил «крайне сурово» расправиться с «любой попыткой использования городских библиотек для распространения коммунистической пропаганды». Затем полиция объявила тревогу. Специальный отдел по борьбе с подрывной деятельностью при полицейском управлении Брисбэйна произвел тщательнейшее расследование. Выяснилось, что в «Цветах сливы» содержится «явная красная пропаганда». Помимо злонамеренного упоминания о кооперативе, в другом стихотворении ветераны сыска обнаружили призыв китайских детей к двум птицам «...отнести в подарок председателю Мао(!) два красивых яблока».

Сборник был запрещен немедленно. В помещении городской ратуши на глазах у изумленных посетителей выставки детской книги маккартисты безжалостно сорвали со стендов «Цветы сливы». Благоухающую ветвь юной китайской поэзии не бросили в чадящий костер, как это сделали бы в средневековье, — ее «изъяли».

Высмеивая маккартистские действия брисбэйнских властей, австралийская газета «Трибюн» писала: «Это означает, что книги о китайских детях приемлемы для Австралии только в том случае, если дети будут беседовать лишь о капусте, выращенной на капиталистической ферме, и просить птичек летать к Чан Кай-ши».

Случай с «Большой капустой», по мнению «Трибюн», «предупреждает, что Австралия имеет свою долю неистового маккартизма и расового шовинизма, которые в последние годы привели США к позору».

А. МАМОНОВ

ДЕЖУРНОЕ БЛЮДО БОННСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

«ЖЕЛАННОЕ блюдо»... «Блюдо по вашему вкусу»... «Блюдо, которого вам хочется». Так по-разному можно перевести название недавно вышедшей в Мюнхене книги западногерманского писателя Ганса Бендера. Однако если придерживаться не буквы заглавия, а исходить из замысла автора, то по-русски книгу эту следует просто назвать «Антисоветская стряпня». Критику Гейнцу Бекманну, сотрудничающему в еженедельнике «Рейнишер Меркур», это «блюдо» очень понравилось, он спешит «сердечно приветствовать новый роман Ганса Бендера» и знакомит читателей с этой бойко написанной книжицей.

Как уже повелось в такого рода боннской литературе, действие романа происходит в советском лагере для немецких военнопленных. Основная цель автора — продемонстрировать «жестокость и бессердечие» русских. Для этого придумывается следующая история. Советские врачи отказываются дать пенициллин умирающему лейтенанту Ульмеру. Его друг лейтенант Матсура собирает среди других военнопленных тысячу рублей, на которые просит приобрести лекарство больному. Якобы тронутые этим поступком, «русские» дают Ульмеру пенициллин и возвращают собранные деньги. Но со стороны «русских» все это — чистейшее вероломство: они, оказывается, лечат лейтенанта Ульмера только для того, чтобы последний выступил в качестве свидетеля против Матсура, обвиняемого в военных преступлениях. С помощью предателей и шпионов из числа военнопленных «русским» в конце концов удается разделаться с «великодушным» Матсура: его друг, которому при повторном приступе болезни отказывают в пенициллине, умирает.

Критик из «Рейнишер Меркур» призывает читателей умиляться «человечности» таланта Бендера. «Даже предателей и подкармливаемых шпионов, — читаем мы в статье, — Бендер изображает с некоторой иронией, которая вплотную граничит с юмором. Но к русским он не обращает этого полувзгляда, полного несколько смущенной доброты... Тем более ужасающе и убедительно его изображение русских...»

Критику, однако, показалось, что он недостаточно похвалил автора «Желанного блюда», состряпанного по всем рецептам «холодной войны», и он решил дать своей статье еще и заманчивое название «Вместо «Тайги» — действительность».

«Тайга» — название другого, вышедшего несколько ранее романа, начиненного антисоветскими выдумками. Гейнц Бекманн счел полезным принести его в «жертву» во имя утверждения «правдивости» писаний Бендера. Можно не без основания предположить, что название следующей статьи об очередном антисоветском «боевике» будет звучать примерно так: «Вместо «Тайги» и «Желанного блюда» — абсолютная правда...» В связи с этим хочется напомнить западногерманским кухмистерам русскую пословицу: «Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят».

В. СТЕПАНОВ

ГОЛОСА ДАЛЕКИХ ДРУЗЕЙ

Р. КОЧАР

ОН на короткое время приехал из-за рубежа, чтобы увидеть расцвет своей родины. Мы сидим с этим замечательным человеком друг против друга, и я слушаю его рассказы. Это живущий ныне в городе Бейруте талантливый армянский писатель Гегам Севан — молодой, среднего роста, энергичный человек с крупным лицом и грустными-грустными глазами.

Детство и юность Севана прошли в Турции. Он был призван на военную службу и испытал тяжелую, полную обид и унижений жизнь солдата. Впоследствии Севан с глубоким сочувствием рассказал о страданиях турецкого народа. Любовью к простым честным труженикам, ненавистью к угнетателям и насильникам проникнуты его рассказы «Черное море всегда одинаково», «Новые сказки» и книга «Мраморный замок», написанная под влиянием Максима Горького. Произведения Горького Севан тайно читал на родном языке. «Наш язык и книга для зарубежной армянской семьи — утешение и спасение», — говорит Гегам Севан.

Я вспомнил эти слова, когда в нынешнем году в Париже попал в общество армянских писателей. В моей памяти до сих пор звучит певучий голос поэтессы Мари Атмаджян:

Набирай, товарищ наборщик,
набирай свинцовые литеры,
Чтобы стали они, как мост,
Для мечты нашей в день грядущий,
Чтобы радугой он связал
Славу старую с новой славой.

Армяне живут на многих материках, во многих странах мира — в Европе, в Северной и Южной Америке, в Индии, на Ближнем Востоке и в ОАР, на Балканах, в Турции, в Иране.

В годы после первой мировой войны в зарубежной армянской литературе, развивавшейся в разных странах, преобладал глубоко пессимистический тон. Появились десятки и сотни романов, обращенных в прошлое; среди них были произведения по-настоящему талантливые. Поэт Завен Сурмелян, живущий в Америке, известный до тех пор как автор лирических стихов, создает роман «К вам обращаюсь я, леди и джентльмены». В нем воссозданы трагические судьбы армянского народа. Армянский прозаик, живущий в Париже, Шаан Шахнур написал в то время роман «Отступление без песни», проникнутый чувством глубокой безнадежности. С болью повествует Шахнур о том, как происходит процесс ассимиляции армянской молодежи, оторванной от родины. Книга нашла большой отклик среди зарубежных армян.

Время изменило темы и настроения. Существование Советской Армении, ее успехи и достижения пробудили мечты о возвращении на родину. Возникли новые темы, появились книги, проникнутые оптимизмом. Писатели стали рассматривать судьбу родного народа в связи с судьбой всего человечества. Выдвинулось новое литературное поколение. Ярким его представителем был парижский армянский поэт Мисак Манушян. Он прожил короткую, но прекрасную жизнь. В годы оккупации Франции Манушян командовал интернациональным отрядом Сопротивления. В этом отряде были армяне и французы, поляки и испанцы. Именем Манушяна названа улица в Париже. До сих пор отголоски его мужественного и светлого поэтического голоса звучат в стихах многих зарубежных армянских писателей.

Судьба талантливой писательницы парижанки Луизы Асланян (Лас) сложилась трагически. Гитлеровцы арестовали Лас в первые же дни оккупации Парижа и бросили ее в концентрационный лагерь. Она была убита накануне падения фашизма и освобождения Франции, накануне победы Советского Союза, в которую так глубоко верила.

Зарубежные демократические армянские писатели непохожи друг на друга ни по стилю, ни по манере письма, ни по тематике. Но печать национального своеобразия отличает творчество каждого из них.

Сорок пять лет живет в Америке поэт Карапет Ситал, но поэзия его воскрешает армянские легенды, героев армянского эпоса. Три раза после войны он приезжал в Советский Союз, и после каждой поездки появлялась книга очерков, полная юношеского восторга и радости. Сорок лет живет в Америке Ваге Гайк, но прочтите его книгу «Дым отечества», — и вы увидите, что это писатель, тысячью душевных нитей связанный с прошлым и настоящим своего народа. В его произведениях отчетливо ощущается неприятие писателем нравов современной Америки. Острокритическое отношение к американской действительности, которое особенно ярко проявилось в рассказе «Старый веник», свойственно и другому армянскому писателю, живущему в Америке, — Вениамину Нурикяну.

С давних времен существовала литература зарубежных армянских колоний. Известны средневековые песни «пандухтов» — армян, живущих на чужбине. Многие из этих песен перевел В. Брюсов. Это были песни тоски и печали. Обращаясь к журавлю (крунку), «пандухт» делился с нею своим горем:

Свой покинул сад я в родной стране.
Чуть вздохну, душа—вся горит в огне.
Крунк! Постой! Твой крик — режет
сердце мне.
Крунк! Из стран родных нет ли хоть
вестей?

Перевел В. Брюсов

Песня армянского «пандухта» наших дней — это песня солидарности, братства народов, песня мира и борьбы. Живущий в Ливане армянский поэт Г. Аддарян посвящает свои стихи арабскому народу:

...И на земле отцов твоих и дедов,
Мой друг араб, в тот самый жаркий бой,
В бой за весну, за радость, за победу
Плечом к плечу и мы пойдем с тобой.

Какими ничтожествами кажутся рядом с зарубежной прогрессивной армянской литературой эмигрантско-дашнакские писаки, раболепно прислуживающие империализму, клевещущие на социалистический мир и Советскую Армению!

За границей выходит множество армянских демократических газет и журналов, ежегодно выпускаются новые альманахи и хрестоматии, появляются все новые литературные имена поэтов, новеллистов, романистов, публицистов. Их творчество обильными ручьями вливается в общую реку прогрессивной зарубежной армянской литературы...

СТИХИ ЗАРУБЕЖНЫХ АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

Джозеф ХАДЖЯН

ДРУГУ ПОЭТУ

Пусть песня наша будет дыханием жизни горячим,
Любви настоящей пусть подлинным голосом будет.

Пускай наша песня в руках у бойца молодого
Ракетой, снарядом, развернутым знаменем будет.

В бедняцкой рабочей каморке пускай наша песня
Вином долгожданным и хлебом дымящимся будет.

Пускай наша песня для тех, кто скорбит на чужбине,
Далекого дома призывом спасительным будет.

А там, где лютует во мраке палач исступленный,
Пускай наша песня лучом ободряющим будет.

Пускай наша песня всем тем, кто идет с нами в ногу,
В нелегкой дороге надежным товарищем будет.

Великое сердце двадцатого трудного века
В груди ее гулкой стучать неустанно пусть будет.

Нет смерти у песни, которую жизнь порождает,
Надеждой живой наша песня жива пусть будет.

Пускай наша гордость, борьба наша, страсть нашей
жизни —
Пускай наша песня грядущего музыкой будет!

Ваге ВАГЯН

ГИМН НЕУСТАННОЙ БОРЬБЕ

Счастье — это сквозь муку надежде протягивать руку,
Душу выплеснуть с болью и светом наполнить опять,
Прислониться к оливе, как к старому, верному другу,
Видеть призраки смерти и только о жизни мечтать.

Когда молнии рвутся и небо дрожит, как в ознобе,
Счастье вновь оглянуться на цепи торжественных гор,
И за щедрое солнце, что всходит над их крутизною,
За великое солнце по мраку ударить в упор.

А когда понимаешь уже, что пути перекрыты
И что силы ушли, и дороги вперед не пробить, —
Счастье — вдруг распрямиться и руку поднять
для защиты
И, как в утренний горн, в свою душу трубить и
трубить...

Тетиву своей воли опять натянуть до предела
И рвануться вперед, ощутив себя армией целой!

Перевела с армянского Ирина Снегова

Озабоченный Конэнт

Ныне Джэймс Брайан Конэнт — «почетный президент в отставке» Гарвардского университета. В прошлом — бывший верховный комиссар США в Германии, бывший посол Соединенных Штатов в ФРГ. На днях сей муж, выступая на завтраке, устроенном фондом имени Вудро Вильсона, поделился с присутствующими своими заботами и тревогами.

В противоположность тем политическим деятелям США, кто в последнее время высказывается за политику ослабления международной напряженности, Конэнт, по словам газеты «Нью-Йорк таймс», призвал своих сотрапезников «отбросить благодушие» и незамедлительно признать необходимость создания «неуязвимой системы термоядерного оружия»...

Мрачно глядя в будущее, новоявленная Кассандра вещает: через десять лет мы будем жить в «страшном мире», где будут доминировать ракеты; в этих условиях надо обладать ответной мощью. США, воинственно заявляет он, должны обладать способностью нанести ответный удар, который бы «полностью уничтожил не менее трех четвертей промышленных мощностей Советского Союза». Такова первая забота мистера Конэнта.

Второй объект его озабоченности уже не русские, а сами американцы — те американцы, которые не согласны с Конэнтом, американцы, требующие разоружения и политики мира, американцы, восстающие против политики «холодной войны». Конэнт ополчается на соотечественников, считающих, что СССР никому не угрожает и потому незачем продолжать гонку вооружений, столь пагубно сказывающуюся на жизненном уровне населения. «Я сейчас ездил по всей стране, — жалуется он, — и за небольшими исключениями я не чувствовал понимания угрожающей нам опасности».

Действительно, после поездки Никиты Сергеевича Хрущева в США миллионы американцев стали лучше понимать тот простой факт, что советский народ ничего не хочет от американского народа, кроме мирных и дружеских связей.

«Всюду я встречал в основном благодушие и даже несогласие среднего американца с тем, что Советский Союз якобы угрожает США», — гневается Конэнт.

Весьма существенное признание! Американский народ не разделяет тревог мистера Конэнта, и он сам свидетельствует об этом. Хорошее знамение времени!

Сделать выбор не так уж трудно...
Рисунок художника Кармэна из американской газеты «Крисчен сайенс монитор»

На благо человечества!

Вашингтонская вечерняя газета «Стар» опубликовала статью под заголовком «Способ вывести человечество из тупика», в которой говорится: «Советский инженер предложил интересный способ оттаивания льдов холодной войны и Арктики посредством одной захватывающей дух операции — постройки совместной американо-русской плотины через Берингов пролив, ширина которого достигает 46 миль. Эта идея не нова, но инженер П. М. Борисов, видимо, подошел к осуществлению этого проекта более реально, чем кто-либо другой, и он верит, что этого можно добиться, если Россия и США совместно превратят мечту в действительность».

Кратко изложив предложение инженера П. М. Борисова, о котором сообщала «Литературная газета» 24 октября 1959 года, «Стар» пишет: «...И хотя это может казаться фантазией на данной стадии холодной войны, мы надеемся, что недалек тот день, когда советские и американские ученые и инженеры будут вместе трудиться над проектами, приносящими пользу человечеству, вместо того чтобы соревноваться в сомнительном деле создания наиболее эффективных средств уничтожения».

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Киргизии с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине киргизского поэта, драматурга

Мидина АЛЫБАЕВА

и выражают соболезнование семье покойного.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-60, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литература народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-06-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—04699